РЕЧКА СÓВКА
и
ея окрестности

вторая редакция

Петр Семилетов

Самиздат 2017

Оглавление

Предисловие		**3**
Глава 1	**Совиная наука**	**5**
Глава 2	**Борьба за души**	**13**
Глава 3	**У низовий речки**	**24**
Глава 4	**Демиевский яр**	**38**
Глава 5	**1957. Два ИЛА**	**55**
Глава 6	**Нижний каскад прудов**	**63**
Глава 7	**Со́вки и Родниковая**	**90**
Глава 8	**У истоков Совки**	**110**
Глава 9	**Верхний каскад прудов**	**120**
Литература		**132**

Предисловие

Сразу к делу. Основу этой книги составила часть другой моей книги, здоровенной «Ереси о Киеве». Когда я готовил четвертую ее редакцию, то разросшуюся часть про речку Совку решил вынести в отдельную книгу.

Изначальный материал, 2015 года, я писал в том удивительном состоянии, которое даруется высокой температурой под 38 градусов. Тогда я заболел чем-то вроде гриппа, временно стал хуже слышать, обонять, а разуме моем почему-то постоянно всплывал образ длинных труб теплотрассы на улице Кировоградской, рядом с насосной станцией «Крутогорная». И никак не мог от него отвязаться, и в температурном угаре медленно, по метру в час, как бы двигался над этими трубами сначала в одну сторону, потом в другую. Еще помню, как разбил термометр, от озноба выронив его, и в двух свитерах ползал на четвереньках, скотчем выцепливая ртуть из щелей между паркетинами.

На фоне таких ощущений я пытался рассказать про местность, что в моем воображении постоянно предстает солнечной и зеленой, хотя она конечно подвержена дождям и прочим ненастьям. Но так уж вышло, что Оболонь для меня вечно пасмурна, Зверинец свеж и зелен, а Демиевка, Ширма и Совки залиты слегка пыльноватым светом солнца.

Насте и Алине – спасибо, без вас эта книга получилась бы совсем другой. Скромнейший из исследователей речки Совки и околиц, Д., умер зимой 2016-го, ему – посвящение.

Текст книги набран и сверстан под системой Linux в

редакторе TEA, собственной разработки. Вёрстка подготовлена при помощи удивительного средства вёрстки LaTeX с движком LuaTeX . Я использовал семейство свободных шрифтов DejaVu. Исходный код обложки основан на шаблоне Питера Уилсона.

«Совка и окрестности» отдается в общественное достояние (public domain).

Новые редакции книги, по мере их выхода, будут выкладываться по следующим адресам:

vk.com/eresokieve (группа книги «Ересь о Киеве» в Контакте)
группа «Киевоград» в ФБ
semiletov.org (мой сайт)

Также можете написать мне письмо по электронной почте: tea@list.ru или связаться через Контакт – vk.com/id10275972

Буду рад отзывам!

Глава 1

Совиная наука

Карта условна и отражает взаимное расположение урочищ, по которым мы прогуляемся в этой книге. Все они находятся по течению крупного притока Лыбеди – реки, известной как Совка. Когда ее изредка подписывали на старых картах, то «Проневщиной».

Около бывшего поселка Со́вки, ныне одноименного района Киева, два ручья – Проневщина и Совка – сливаются в один и бегут дальше общим руслом. Проневщина начинается возле Севастопольской площади, а Совка идет со стороны Жулян, южнее улицы Колосковой. И общее их течение справедливо называть и Проневщиной, и Совкой. В последнее время укоренилось именование

Совка. Так привычно и мне.

На карте я указал все известные составляющие этой водной системы, включающей пруды и ручьи, а одному дал даже имя – речка Родниковая по истоку её у ключей студеных, да и местные называют удолье то «родниками».

С притоками пришлось повозиться. О Совке и окрестностях существует мало письменных источников. Они отрывочны и прячутся в разных старинных земельных документах. И вдруг.

В 2008 году Д. Я. Вортман и В. И. Никитина сделали доброе дело, опубликовали в первом номере «Вісника геодезії та картографії» перерисовку карты 1753 года «мест вокруг Киева» Данилы Дебоскета[1]. А вот кусок фотокопии подлинника:

[1] Даниил де Боскет, француз, но уроженец Пруссии, военный инженер и картограф. С 1726 года служил в России. В середине 18 века занимался перестройкой Печерской крепости, возвел в Лавре подпорную стену (памятник архитектуры «стена Дебоскета», у Ближних пещер), спроектировал фундамент Андреевской церкви, неоднократно составлял планы Киева.

Скан фотокопии (1948 года) подлинника плана стал доступен в сети с 2011 года. Это и можно считать датой освобождения карты Дебоскета из архивных закромов.

Время составления карты застало упомянутые в давних земельных документах урочища, только по ней и можно теперь относительно точно судить о положении, скажем, Сокольего Рога и Тесных улиц.

Но многие подписи на фотокопии трудно разобрать. Поэтому перерисовка от Вортмана и Никитиной, с их толкованием, прочтением названий, стала более востребованной, заменив источник. Вы смотрели на план де Боскета, недоумевали, потом заглядывали в ясную перерисовку, и всё становилось понятным.

Исток Совки у Севастопольской площади оказывался таким образом «рекой в Кухмистровщине», затем первый по счету западный приток – «река Бычевка», и следующий западный же приток – «Речка Софка».

План Дебоскета примерно ориентирован на север. А три основных современных истока Совки, подобие трехпалой птичьей лапы, имеют сильно выраженное направление по сторонам света. Правда, Верхний каскад Совских прудов имеет ныне две ветки, из них западная в план де Боскета никак не вписывается, да и не было ее тогда. Если оную исключить, пальцы-истоки с карты де Боскета замечательно соотносятся с картой современной, и вот каким образом.

Ежели толковать по Вортману и Никитиной, выходит, что на «реке в Кухмистровщине» теперь раскинулся Верхний каскад прудов, Бычевка – это речечка в овраге и коллекторе, которая тянется со стороны Жулян и какое-то время южнее улицы Колосковой, а «Софка» – подобная речечка в овраге и коллекторе на улице Кайсарова.

Еще доказательства? Уважаемый зеленый справочник 1995 года «Вулиці Київа» под редакцией Кудрицкого утверждает, что улица Кайсарова образовалась под современным названием в 1962 году посредством слияния улицы Совская балка, известной с первой половины 20 века, и улицы Новой 77-й, что пересекалась с Сумской. А Совская балка-де именована так по местности, где

проложена.

Не я ли великий краевед? Не постигаю ли по сумме данных из разрозненных источников знание цельное, и обретаю истинную картину прошлого? По приведенным выше раскладам я вывел, что исток Совки – на Кайсарова. И всё выше устья сего притока – это воды Бычевки и «реки в Кухмистровщине».

Бычевка в написании то «Бичовка», то «Вычовка» дважды вылезает в старинных описях земель Михайловского монастыря, купно с еще одной речкой, Маричанкой. Один из вариантов определения границ землевладения таков:

> Взявши от гребли и от млина михайловского на речце Либеди, речкою Маричанкою в верх до старой Гребелки, от Гребелки до студенцов и колодящицом долиною до Бичовки, где сходятся чотырех земель границы: печерской, троецкой, багриновской, св. Михаила видубицкого монастыря.

Млин Михайловский находился на пруду чуть ниже впадения в Лыбедь речки Ореховатки, бегущей через Голосеевские пруды по парку Рыльского. А у Бичовки, как сказано, сходятся границы земель Лавры, Троицкого больничного монастыря (от Лавры же), Выдубицкого и переходящей из рук в руки земли при селении Багриново. Ничего толком из этого документа я не понял, но упоминание тут «Бичовки» придало моим прежним соображениям весомость. Значит, Бычовка – не только у Дебоскета на карте.

Ну как теперь не козырять Совкой и Бычовкой? Я хорошо знал местность, исходил ее своими ногами. Накопились снимки. А мало показать, можно теперь, проявляя небывалую осведомленность, пояснить их подписями вроде «Бычовка выходит из-под гати». Снял документальный фильм «По речке Совке» целиком в координатах представления, что истинная Совка – на улице Кайсарова, Бычовка – по другую сторону холма, и так далее. Разбуди меня в ночь глухую, распишу наизусть все притоки.

И вот я закончил писать вчерне про Совку. Это спустя год после съемок фильма, в 2015-м. Мнение мое развилось вот к чему. С толкованием Вортмана и Никитиной я соглашался уже лишь частично, оставив «речку Софку» и «реку Бычовку», однако признавался, что не могу рассмотреть на подлиннике карты надписи «река в Кухместровщине» и «Софка» (местность). По смыслу, вместо «Кухместровщина» должно быть «Проневщина» – думал я. Именование Совки же выводил из предполагаемого мною первого церковного землевладельца этой земли, Софии Киевской, зная, что ей же принадлежали некоторые окрестности.

Скоро я вообще перестал читать на фотокопии Дебоскета многое по прорисовке ясное, в том числе и «речку Софку». Но «Бычовка» оставалась.

В ходе правки я уточнял кое-какие сведения, и натолкнулся на относящуюся к земельным владениям Софии грамоту Петра I, данную в 1700 году митрополиту Варлааму Ясинскому «на вотчины и угодия»[3]. В ней упомянуты, без уточнений:

> грунты над речкою Лыбедью, Сычовкою, Борщовкою лежачие

Не сказано, где протекает Сычовка. Более я это название не встречал. Но возникли соображения.

Между Лыбедью и Борщовкой[2] ныне протекает река, которую я, следом за дореволюционными картами, считал Проневщиной, а краеведы – Совкой.

Если в Бычовке поменять первую букву на «С», выйдет Сычовка. А птица сыч – это и есть сова.

Я круто вывернул руль велосипеда и едва не свалился. Опустив ногу на асфальт, переждал, собрался с мыслями.

Наконец сложилась верная картина. Не было никакой Бычовки, Вычовки или Бичовки! Была Сычовка. И Совка – её равноценное по смыслу, птичье имя, от сыча или совы. «Б» и «В» – описки.

---

[2]Также Борщаговка, известна еще под именем Нивки.

На плане Дебоскета я теперь увидел подпись «Сычевка» вместо «Бычевка»[3]. Она протекает в овраге, со стороны Жулян, да южнее улицы Колосковой. Это и есть настоящий исток Сычовки или Совки.

А как же малозначительный теперь довод, что Совская балка – прежнее название улицы Кайсарова? Его разрушить оказалось легко, изучив тамошнюю историю самостоятельно, а не доверчиво приняв сведения из справочника.

В середине 20 века на месте Кайсарова проходила не улица, а грунтовка по дикому оврагу. Единственной смежной с оврагом улицей (на отрезке именно до Сумской) в первой половине 20 века была Шевченковская, ныне Каменщиков, в поселке Совки. О какой улице Совской балке, известной с первой половины 20 века, может идти речь?

Итак, речка по Кайсарова перестала быть Совкой, и я нарек ее Родниковой, поскольку не могу разобрать подпись у Дебоскета, чья карта остается чертовски правильной.

Нижний каскад Совских прудов запитан водами Проневщины, Совки и Родниковой. Основная ветка Верхнего каскада наполняется ручьем Проневщиной, именуемым так по местности.

Окрестности к югу от нынешней Севастопольской площади слыли Проневщиной с 16 века, когда ими владел киевский воевода из рода Рюриковичей, Семен (Фридрих в католичестве) Глебович князь Пронский. От него прозвалась местность, а по ней текущая оттуда речка.

На картах Киева 1842 и 1865 годов, где последняя это уточненный вариант первой, водоток в средней части течения, там где нынче Нижний каскад, а это уже ниже впадения Совки в Проневщину (или наоборот, Проневщину в Совку) подписан: «Р. Проневщина». Есть еще карта 1903 года – низовья речки, вдоль Байковой горы, именованы «ручей Праксошин». Более нас карты вообще не балуют словесными обозначениями Совки или Проневщины, если не считать Совских прудов на оной.

[3]Речка Сычевка существует, кстати, и в Волынской области.

Двойственность затрудняет повествование. Мне надо определиться, что называть в книге Совкой, а что Проневщиной. Вероятно справедливо называть всё русло от Верхнего каскада и Совкой (Сычовкой), и Проневщиной, а выше места слияния – отдельно Совкой, отдельно Проневщиной.

Но чтобы далее не путаться, Проневщиной я обозначу только ручей, идущий через основную ветвь Верхнего каскада. А под Совкой буду подразумевать исток Совки (из оврага южнее Колосковой улицы) и общий водный поток после слияния ее с Проневщиной, далее через Нижний каскад до самого впадения в Лыбедь.

Полагаю, что в этих пределах река уже носила название Совки не только сейчас среди краеведов, но и в старину.

В жалованной грамоте царя Петра Алексеевича в Киево-Печерскую Лавру кроме прочего встречается такое: «Виточевские озера, с Моисейпович Бобрича, или Бобрик Сувку, с мельницами Безрадичи, Хотов, Сираков», и там же далее записано иначе: «Виточевские озера, Смоисейпович, Бобрица или Бобрик, Сувка с мельницами, Безрадичи, Хотов, Сыраков».

Противоречивость грамоты, вызванная многочисленными описками и по-разному проставленными запятыми, не позволяет толковать ее однозначно. Здравый смысл подсказывает, что правилен второй вариант, там где «Бобрица или Бобрик, Сувка с мельницами». Но Сувка здесь – название речки или посёлка?

Если речки, то ясно, что говорится о всем русле ниже Верхнего каскада, через Нижний да в устье к Лыбеди. Потому что именно по этому руслу, согласно плану де Боскета, стояли мельницы.

И вот Леонтий Похилевич в книге «Уезды Киевский и Радомысльский»[5] за 1887 год, сообщает:

> Совки, близ Киево Лыбедского кладбища[4],
> на ручье того же названия.

И далее пишет о пруде в деревне да мельнице при нем. К чему же относится пруд? Вероятно, к ручью Совке. А

[4]Имеется в виду Байковое.

значит, Совкой именовали не только исток в овражке, но и русло далее, уже после соединения с Проневщиной.

Про рабочую окраину Демиевку краеведы еще худобедно рассказывают. А вот соседствующие с ней Ширму, Совки, Монтажник обходят стороной. Да и горожане, кроме местных, видят эти районы разве мельком, из окна маршрутки, проносясь среди потока машин по Краснозвездному проспекту. Примечают просторную долину, горбы с частным сектором, громадины новостроек-высоток, заслонившие небо, да какие-то пруды за деревьями.

Поэтому мы пойдем вдоль речки Совки, глядя по сторонам. Шагать будем против течения, уж так мне удобнее. Я замораживаю описанное состоянием на 2015 год (когда была написана основная часть книги), чтобы оставить память и не переделывать книгу каждый раз при изменениях в местности.

Глава 2

Борьба за души

А вот Демиевку я затрону кратко, причем восточную ее половину. Не хочу описывать весь район, тем более что старина по большей части снесена. Я про землю, занимаемую библиотекой имени Вернадского, да её окрестности. На противоположной стороне Проспекта 40-летия Октября (ныне Голосеевский) стоит парадругая давних зданий. Дом детского творчества рядом с метро – это бывшая синагога, молитвенный дом Боришпольского[1].

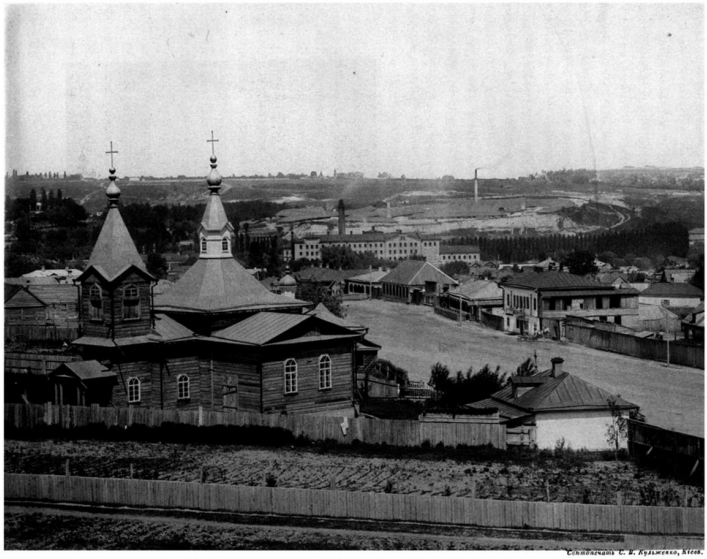
Выше по горе, ближе к Голосеевской площади – Вознесенский храм, возникший здесь в 1882-83 годах как ответ православной церкви на распространение по Демиевке штунды, этого проросшего в благодатной славянской почве семени протестантства.

Изложение отечественного штундизма во всех его вариантах займет слишком много времени, а здесь и не нужно. Христианство в понимании позднего Льва Толстого и его отношение к церкви православной похожи на штундизм, скажем так.

Штундисты не принимали церковные обряды и таинства, крест как священный символ, храмы, не почитали святых, полагая их обычными людьми. Не молились иконам, называя оные проявлением идолопоклонства.

[1] На 1905 год Демиевка по вероисповеданиям делилась на 9126 православных, 4901 иудея, 540 католиков, 114 лютеран, 65 штундистов.

Штундистские учения основаны более на Новом Завете. К обоим Заветам идут отсылки для обоснования тех или иных принимаемых верующими положений – дескать, разве о таком-то празднике сказано в Писании? Не сказано? Так почему мы должны его отмечать?



Кіевъ.—Предмѣстье Деміевка.

Вознесенская церковь – слева. Первый по счету к зрителю завод с трубой – сахарорафинадный, за ним виднеются трубы кирпичных заводов Субботиной и Шатовой, по другую сторону от Лыбеди.

Скорое, восьмимесячное строительство Вознесенского храма велось на деньги директора Демиевского сахарорафинадного завода[2] Рудольфа Федоровича Раузера.

[2]Заложен 2 мая 1869 года обществом акционеров на земле, арендованной на 72 года у Михайловского Златоверхого монастыря. С 1884 года по нынешним начальным 60-м адресам проспекта 40-летия Октября появилась паровая кондитерская фабрика Валентина Ефимова. Её-то в 1923 году и переименовали в фабрику имени Карла Маркса, а в тридцатые производственные мощности перенесли в цеха сахарорафинадного завода.

В 1900 году здание существенно переделали по проекту Евгения Ермакова и обложили изначально деревянное сооружение кирпичом, да рядом возвели колокольню. Позже ее снесли, а в девяностые возродили.

Вознесенский храм славен тем, что в нем в 1907 году венчалась с Климентом Квиткой Леся Украинка[3] да в начале 1980-х крестили меня. И невесть почему, ведь семья-то атеистическая. На всякий случай. Сам обряд я не помню, в памяти осталась вкусная просвира, которую мне дала одна из тех набожных старух, что на склоне лет находят в церкви душевный приют и уделяют ей весь досуг. Православную церковь освятили 18 февраля 1883 года. Этому предшествовала облава на штундистов. 22 января газета «Киевлянин» писала:

> Совершенно неожиданно в предместье Демиевке, непосредственно примыкающем к Киеву, открыта довольно многочисленная община штундистов. Во главе их стоит домовладелец разжалованный саперный фельдфебель А-в, который успел набрать до 50 человек. Главными его помощниками были служащий артельщиком на железной дороге Ф-ский и крестьяне П. и О-цкий.
>
> Штундистские собрания происходили в доме А-ва по праздничным дням. 9-го января на одно из таких собраний явилась полиция и составила протокол. А-в и некоторые из его последователей признали себя штундистами.
>
> Во время составления протокола едва не случился крупный скандал. Рабочие на Демиевском сахарном заводе, узнав, что в доме А-ва находятся штундисты, бросились толпой туда и выражали крайне недружелюбные намерения относительно штундистов. Но благодаря увещаниям полиции и понятых толпа разошлась. Дело о штундистах передано судебной власти.

[3] Живя уже девять лет в гражданском браке, они устали терпеть за это упреки.

> А-в по слухам человек не лишенный энергии и способностей, но самонадеянный и беспокойный. Печально появление штундистов, можно сказать, в самом Киеве и в то время, когда крестьянское население Демиевки с такой энергией устраивало и устроило церковь, только на днях оконченную. Можно надеяться, что киевское духовенство отнесется серьезно к этому факту.

Из статей того времени, например «К изучению украинского народного мировоззрения» Ф. Р. Рыльского можно узнать о другом отношении народа к штундизму, весьма уважительному, ибо штундисты слыли людьми безвредными, трезвыми и честными.

Описание противоборства православия и штундизма выходит за рамки моей книги. Штундизм был в Киевской губернии силен. В 1870-х годах за него судили, обличая штундистов в богохульстве. Под присягой свидетели обвинения показывали, что, допустим, 19-летняя Евгения Цымбалова «с язвительною насмешкою отзывалась о чудотворных иконах и приносимой ими людям помощи», чего было достаточно для признания девушки киевской палатой уголовного и гражданского суда в кощунстве. Ей впаяли 2 месяца тюрьмы, и то – как несовершеннолетней, иначе бы дело обошлось большим. Славянское население тогда, помимо поляков-католиков, было прихожанами православной церкви. Переход их в штундизм означал уменьшение православной паствы.

Более подробные сведения о религиозной борьбе начала 1880-х на Демиевке читаем в книжке 1886 «Южнорусский штундизм» священника Арсения Рождественского:

> В 1883 году обратила на себя внимание община штундистов в предместье Киева – Дымиевке. Основателем ея был отставной рядовой Иван Андреев. Поселившись в Дымиевке со своей женой, он приобрел себе дом.
>
> Совратителем его был, по показанию местных жителей, отставной унтер-офицер Капу-

стинский, служивший на железной дороге, которому начальство за то, что он держался штундизма, отказало от места. Вскоре после своего совращения, Андреев открыл в своем доме собрания, на которыя приглашал своих соседей и рабочих с сахарного завода[4].

Пропаганда Андреева шла беспрепятственно; никто на него не обращал внимания. Зазывая к себе на собрания, он ходил по домам и предлагал свои услуги в наставлении. Вскоре к нему присоединился Никита Яковлев Федоровский[5], служивший в описываемое время на станции Киев II курско-киевской железной дороги, который сделался его деятельным помощником.

Увлекающихся и колеблющихся в начале деятельности Андреева и Федоровского было много, и это происходило, по показанию местных жителей, оттого, что приходская церковь находилась от них в «чрезвычайно далеком разстоянии, и приходский священник посещает их очень редко: он являлся к ним только для исполнения какой-либо христианской требы; живого же слова от него никогда не слыхали», а к построенной вновь в этой местности церкви священника долго не присылали.

Когда всё это сделалось известным епархиальному начальству, оно тотчас распорядилось освятить храм в Дымиевке и назначить туда священника, а также произвести следствие от штундистах.

Спрошенный Андреев показал, что по увольнении от службы соблюдал таинства и обряды православной Церкви; поселившись в Дымиевке, он купил Библию и Евангелие и стал чи-

[4]Так рабочие прибежали громить или спасать штундистов?

[5]В другом месте книги священник Рождественский именует его Афанасием Никитиным Федоровским, и рассказывает, что он сын дьячка из Поповой слободы Курской губернии Путивльского уезда, был исключен из третьего класса Рыльского духовного училища, в 1883 году служил в Обществе Курско-Киевской железной дороги.

тать. Вследствие чтения он убедился в том, что шел не истинным путем и начал верить одному Евангелию. Он называл себя христианином евангельского исповедания. Учения своего не распространял, он читал Евангелие только тем, кто приходил его послушать.

Федоровский показал, что он, проживая в доме Андреева, в свободное время записался чтением Евангелия и Библии и пришел к убеждению, что должен верить означенным книгам[6].

Произведенное духовным начальством следствие, вероятно, не получилось дальнейшего хода. От 13 июня 1883 года священник предместья Дымиевки сообщил епархиальной власти, что он имел «душевное утешение видеть кающихся в своем заблуждении штундистов, и их исповедовал и приобщал св. Таин на Страстной седмице в Великую Субботу».

От 19 июля 1883 года, он же рапортовал, что штундисты предместья Дымиевки «имеют своего патрона в С.-Петербурге, некоего графа Пашкова[7], снабжающего их крупной суммой для пропаганды; что пропагандисты штундизма шатаются между народом в городе; что к Андрееву являются на штундистския сходки люди, приходящие из Киева, набегают также сюда служащие в саперах[8], из прихожан же дымиевской церкви в штундизме никто не состоит».

При рапорте был представлен приговор дымиевскаго общества о выселении из прихода

[6] Рождественский делает ссылку на «Дело Киев. дух. конс.» 1883 г, №217.

[7] Кавалергардский полковник в отставке, заводчик и землевладелец князь Василий Пашков. В 1884 году выслан из России по указу Александра III за участие устроения в Питере съезда христиан протестантского толка – штундистов, баптистов, молокан.

[8] Арсений Рождественский делает примечание: «На собраниях Андреева, кроме солдат и рабочих, присутствовали даже две киевския дамы».

распространителей штундизма. Приговор не имел надлежащих последствий. Пропаганда Андреева продолжалась. Он совершал браки, завел метрические книги. Вскоре Андреев был выслан административным порядком в Орловскую губернию[9].

Таким образом лишь покусившись на определенную функцию главенствующей церкви, Андреев переполнил чашу ея терпения окончательно.

В книге священника Рождественского находим краткие выдержки именно о демиевском варианте вероучения:

> Источником вероучения дымиевские штундисты признают Св. Писание ветхаго и новаго завета. При производстве следствия (в 1883 г.) Иван Андреев, между прочим, показал: «я верю одному Евангелию и пророчествам и в настоящее время называю себя христианином». Федоровский в то время показал: «я верю Евангелию и Библии». «Церковь я признаю, говорил Федоровский, на всяком месте, где собрание верующих во Христа».
>
> «Я верю, что Бог есть в трех лицах и что Он же есть Дух (показание Федоровскаго). Крещения и миропомазания, показывал Федоровский, не признаю; брак, священство, елеосвящение и покаяние признаю по учению Евангелия».
>
> «Детей пока не крестим, говорил Капустинский корреспонденту «Нового Времени», да и в том нет особенной нужды, даже и в том случае, если они умирают без крещения, ибо Спаситель сказал: «таковых есть царствие Божие». Не сходимся с ними (баптистами) во взгляде на крещение водою. Причащение, как таинство, не существует, но когда заблагоразсудится – делается преломление хлеба и вкушается вино, но только в воспоминание тайной вечери,

[9] «Дело Киев. дух. конс.», 1886, № 1223.

а не в спасение. Исповедь признается, причем каждый должен каяться в своих грехах постоянно и публично на собрании. Священников хотя пока и не имеем и заменяем их старшим в собрании, но достойных из своей среды, по избрании, за пресвитеров признаем, и они будут у нас скоро. Брак признаем согласно писаниям в том смысле, что сочетающийся оставит отца и мать свою и прилепится к жене своей. Развода у нас не существует, ибо Спаситель сказал, что развод существует только по жестокосердию вашему. Исключение допускается только в том случае, когда одна из сторон отпадает и становится неверующей».

«Учение наше состоит в вере в Христа, говорил Капустинский, любви, мире и безупречной жизни, даже пред лицом врагов. Никаких именин, крестин, родин, похорон и прочаго не чествуем ни трапезой, ни бездельем».

На преступников христиане (дымиевские штундисты) смотрят, по сообщению корреспондента, с духовной точки зрения; они жалеют их, ибо преступники творят-де по неведению. Преступник, раз он раскается, уже не преступник и может быть принят в среду христиан и считаться таким же братом, как и другие, ибо Господь кающихся не отвергает, а, напротив, сказал: «приидите ко мне все труждающиеся и обремененнные» В суд сектанты не обращаются.

Развитие событий, связанных со штундистами, после 1883 года мне проследить не удалось, разве что в 1889 году студент 4-го курса Киевской Духовной Академии Иван Троицкий в сочинении «Обличение лжеучения штундистов» говорит о тех же демиевских штундистах – как понимаю, к тому времени возобновивших свои собрания, либо студент ошибается в дате и говорит про год 1883-й:

Особый и более умеренный толк младоштун-

дизма представляет секта, появившаяся в 1889 г. в предместье Киева – Демиевке, известная в народе под именем «Андреевского толка». Основана она отставным фельдфебелем 4-го саперного батальона Андреевым, который … почитая Евангелие, вдумался в него и увидел, что многое совершается у нас неладно, несогласно с тем, как было в первые века. Потому он задумал создать общину по образцу апостольской первобытной общины. Началами, связующими членов общины, должны быть вера во Христа, любовь, мир и вполне безупречная жизнь.

За 1884 год в «Путеводителе» Тарановского сохранилось краткое описание тогдашней Демиевки:

Чрез предместье Демиевку идет большая почтовая дорога, называемая Васильковский тракт, ведущая в город по плотине, через историческую реку Лыбедь. Плотина пересекается железной дорогою и около пересечения находится деревянный мост; от этого моста до Печерской лавры считается: по кратчайшей, изрытой глубокими рытвинами, дороге[10], выходящей на Печерск через гору, мимо Васильковского укрепления и башни 4 версты 280 сажней. По ней проходят богомольцы, идущие прямо в Лавру. […]

При въезде в город, как оканчивется плотина, направо находятся кирпичные заводы Субботина и Шатовой[11], возле которых, по берегу ручья Лыбедь, идет шоссированная дорога к товарной станции Киев II. В усадьбах этих заводов, а также в усадьбе Чернышова, что при въезде влево[12], находятся довольно высокие, покрытые садами и лесами, курганы, называе-

[10]Частично она совпадала с половиной бульвара Дружбы Народов.

[11]Нынешнее озеро Глинка частично занимает место бывшего глиняного карьера завода Субботиной.

[12]Окрестности станции метро «Лыбедская».

мые Батыевыми могилами[13]. Из этих кирпичных заводов более известный первый, называвшийся Эйсмановским[14]. Эйсман это был первый владелец кирпичного завода; он открыл здесь глинище и эксплоатировал его с таким успехом, что вскорости сделался богатейшим жителем Киева, а его завод известнейшим из всех киевских и окрестных кирпичных заводов.

На редких дореволюционных снимках трудно узнать этот район – так исказило его прошедшее время. А на первой, год которой мне неизвестен, хорошо виден знаменитый Васильковский тракт:

[13]Отмечу, что Батыевой могилой и Батыевой горой принято считать гору к северу от Протасова яра. Однако у составителя путеводителя иное мнение – Батыевым могилами он полагает местность возле озера Глинка и станции метро «Лыбедская».

[14]Эмилия Субботина – в девичестве Эйсман, внучка основателя завода, аптекаря Иоханна (Ивана) Федоровича Эйсмана и дочь городского головы Густава Ивановича Эйсмана, вышедшая замуж за Виктора Андреевича Субботина, профессора Университета святого Владимира.

А сия фотография датируется 1904 годом:

Нет уже этих полей, а некогда плавные дали холмов холмов скалятся четырехугольниками домов, наползающих друг на друга. Не застроено только небо.

Глава 3

У низовий речки

Байковую гору с кладбищем, лесистую, изрытую наверху террасами колумбария, с востока ровно прижимают улица Гринченко, железная дорога да заключенная в бетонное прямое русло речка Лыбедь.

Южнее горы и до Московской площади – низменность с разрушаемой промзоной. Автоцентр, рынок Изюмский вдоль одноименной улицы, рынок Демиевский и возводимый в 2015 году на месте завода «Киевгума» спортивный комплекс «Будівельник-арена», к которому примыкают здания закрытого в 2010-м киевского пивзавода №1.

У южного подножия горы – улица Кировоградская, прежняя Луговая. Наискось к ней от Изюмского рынка – бывший Камский переулок, куда до 2001 года по улице Гринченко ходил трамвай №10[1].

Проулок этот слыл прежде Берлизовыми огородами, так же именовалась и остановка. Сюда добирались трамваем до поселка Монтажник. Берлизов – фамилия из прошлого, это был дворянин Гаврила Алексеевич Берлизов, что владел тут землей, по Луговой 1. Его сыну Николаю в начале 20 века, метрах в 800 от «огородов»,

[1] Возник как маршрут «Вокзал-Сталинка». Сталинкой одно время официально называли Демиевку, да и сейчас это название проскальзывает у местных. Линия продолжалась до кольца на Голосеевской площади, в 1980-м кольцо сделали на Московской. До революции от Берлизовых огородов дальше шла еще другая линия, частная трамвайная ветка предпринимателя Марголина.

принадлежала также паровая мельница на 45 лошадиных сил, перерабатывающая в год 200 000 пудов ржи при 12 рабочих[2].

Забегая по местности вперед, показываю эту мельницу. 2012 год.

Демиевский продуктовый рынок лежит еще южнее «огородов», ближе к эстакаде у перекрестка 40-летия Октября и Краснозведного проспекта. Напротив него, через дорогу – кондитерская фабрика, которую привычно величают именем Карла Маркса, и автовокзал[3]. Район Демиевка продолжается вдоль железной дороги на юго-восток, в сторону Лысой горы, но охватывает и местность ближайшую к проспекту 40-летия Октября.

Пересечение обоих проспектов и эстакада занимают Московскую площадь, прежде Демиевскую или Базарную. Проспект 40-летия идет на юго-запад до ВДНХ,

[2]Улица Совская 52 на 1911 год, ныне здание по Краснозвездному 115-А, в 1926 году слыло 9-й госмельницей, по Совской 54, работала там артель Вукоспілка.

[3]Построен на месте складов того самого сахарного завода, в цеха которого некогда переселилась кондитерская фабрика.

мимо покрытых лесом холмов Голосеево. А Краснозвездный проспект – на запад в сторону Соломенки, в широкой долине, где находится Нижний каскад Совских прудов и сливаются воедино воды многих речушек.

Перенесемся в середину 19 века. До нынешней Московской площади идет большая дорога с Василькова. Она проходит по современной Васильковской улице (в начале 20 века Васильковская улица, не Большая Васильковская, а просто, кроме прочего лежала в отрезке от ст. м. Голосеевская и по Московскую площадь) и вливается в проспект 40-летия Октября напротив последнего водоема из каскада Голосеевских прудов по речке Ореховатке, что около станции метро Голосеевская. На этой дороге, у Лыбеди, была Васильковская застава.

Кладбище тогда занимало лишь юго-западный угол Байковой горы. Могилы ограничивал овраг, сопоставимый ныне с низовьями Волжской улицы и Кировоградским переулком, где и сейчас можно встретить вросшие в землю старинные домики. Асфальт расходится, лопается, уступая место давней каменной мостовой. Через деревянные заборы фруктовые деревья нависают ветками. Эту местность называют еще Забайковьем. К востоку она граничит с поселком Монтажник.

Низменность от горы и до Московской площади – там где Изюмская улица, снесенные корпуса «Киевгумы», оба рынка, и по другую сторону от железной дороги (которой в то время не существовало) и Лыбеди, около торгового павильона «Океан-Плазы» и Государственной научно-технической библиотеки Украины со зданием-тарелкой – была болотистым местом, где в Лыбедь вливалась Совка. Одно время здесь устроили крупнейший на Лыбеди пруд, и через него сделали мост. Жизнь водоема пересекли рельсы проложенной во второй половине 19 века Юго-Западной, «Курской» железной дороги.

Прежде нее, Лыбедь шла не прямо, но чуть отклонялась западнее в сторону улицы Изюмской. Где-то там вливалась Совка, и общий поток, с направлением, заданным Совкой, протекал к фабрике Карла Маркса и вдоль Саперно-слободской улицы. Деревней Демиевкой тогда считался район от современной Московской площади и

между Саперно-Слободской улицей и проспектом Науки, да в другую сторону, по улицу Демиевскую включительно. А близ самой Московской площади был хутор Лыбедь, сосредотачиваясь примерно там, где ныне улица Демиевская стыкуется с Краснозвездным проспектом, около стекольного завода и восточной частью МАУП. Хутор растворился в Демиевке на стыке 19 и 20 веков.

Прыгнем в 2015 год и начнем прогулку по речке Совке, время от времени обращаясь к прошлому. От станции метро Лыбедская пойдем Красноармейским переулком между квартальчиком с библиотекой да «тарелкой», и «Океан-плазой». Впереди прячется Лыбедь, зажатая в замусоренном бетонированном русле, за нею видны рельсы вдоль улицы Гринченко. Слева – забор, ограждающий громадный пустырь. Здесь стояли корпуса хладокомбината №2. Еще левее, над железной дорогой, мост Автовокзального путепровода, построенного в 1939-м под названием Сталинского, и поднятого из развалин после войны.

Следуем вдоль забора до перекинутых через Лыбедь широких труб и металлического мостка. На снимке 2009 года спереди видны эти трубы. Снято с путепровода. Справа растут большие деревья возле хладкомбината.

Внешне он здравствовал еще в 2012-м, но коробки корпусов уже сдавались в аренду и служили площадкой для развешивания рекламы. С советских времен по первое десятилетие 21 века включительно, хладокомбинат №2 выпускал мороженое, промышленные газы в баллонах, сухой лед, вафли, вафельные стаканчики. Вроде бы это приносило доход.

Но – 2013 год, от предприятия осталась лишь одноэтажная проходная с выложенными мозаикой стенами. Сиреневые, бордовые, зеленые снежинки кружатся на желто-зеленом, будто из пикселей крупного разрешения, фоне. В отдельных оконных нишах утоплены квадраты мозаик поменьше, вероятно изображающие виды продукции – каштановый пятилистник вызывает в памяти образ советского молочного, в шоколаде мороженого «Каштан»[4]. Этот «Каштан» стал, уже во времена капитализма, торговой маркой хладокомбината и главным козырем предприятия. По профилю завод работал до 2006 года. В 2010-м сменил владельца. В конце 2015-го на месте оставшегося от завода пустыря стали возводить торговый центр. Но мы сейчас в несколько прежнем времени, до того.

Мостиком через Лыбедь сокращают путь на Демиевку и Ширму, чтобы не переться по жаркому летом путепроводу, где ни деревца, ни тени, только светлый асфальт, а здоровенные, из полированного камня шары украшают начало и конец. Из году в год я фотографировал оттуда Лыбедь, в одном и том же ракурсе, в разные времена.

Лыбедь здесь уже сильная, успела вобрать в себя крупные притоки – Клов, Мокрую и другие. Иногда пишут, мол, Лыбедь прежде была полноводной и даже судоходной. А она пробегает в пределах Киева через такой перепад высот, как от самого Киева до Черного моря. Слишком быстрое течение, не замерзает зимой. Против не поплывешь, разве что грузы по течению сплавлять в Днепр, к чему и собирались приспособить Лыбедь от вокзала до устья незадолго до 1917 года.

[4]При СССР, «Плодово-ягодное» стоило 9 копеек, «Молочное» и «Морозко» 10, и «Каштан» – 28.

От своей бабушки Тани я слыхал произношение названия речки киевлянами, жившими в середине 20 века в окрестных районах. «Лебедь», со вторым звуком, где ощущается также «и».

В летописях она упоминается многократно. То в Лыбеди нельзя напоить лошадей ввиду рядом стоящих Печенегов, то через нее стреляют из луков, в декабре 1136 года, перешедшие Днепр Ольговичи с Половцами. За 1151 год есть любопытные сведения, что в сражении Гюрги (Юрия Долгорукого) за Киев, конница Половцев переправлялась через Лыбедь в месте, где «есть сухая Лыбедь». Вне этого брода пересечь Лыбедь оказалось гиблым делом, во всяком случае в близости к войску противника. Снова обменивались через речку стрелами. Из сего можно заключить, что в то время Лыбедь была ощутимым водным рубежом, шире нынешней реки, раз с одного берега на другой «стрелялись», а ныне можно, разбежавшись, перепрыгнуть – и на большом протяжении много глубже, иначе не пришлось бы пользоваться бродом по «сухой Лыбеди».

Но сойдем с мостика и спустимся правее, на берег. Такой угроханный вид имеет Лыбедь в месте впадения Совки. Бóльшую часть мусора приносит течение, когда уровень воды поднимается над уровнем первого бетонного желоба.

Устье Совки[5]. Пахнет химией. Зная, что сливается в эту воду, я не советую зачерпнуть ее рукой:

Речка выходит из-под железнодорожного полотна:

[5]50°24′35.89″N (50.409969), 30°31′20.24″E (30.522289).

И на другой стороне из коллектора около возобновившегося здесь Красноармейского переулка, откуда течет с востока, с территории бывшего завода «Киевгума»:

Переулок – за ближайшим белым, довоенным домиком и опорой ЛЭП (снято с конца путепровода):

Сие же снято до Великой Отечественной войны, с противоположной стороны. Розовый левый домик с предыдущего снимка – правый домик на этом. И да не введут остроугольные крыши вас в заблуждение, что это разные здания! Через дорогу дымят трубы кондитерской фабрики имени Карла Маркса, блестит непривычно широкая Лыбедь:

Розовый домик имеет номер 13, белый – 11. Последний в 2016 году пуст, окна выбиты, на чердаке был пожар, идет медленное, но верное разрушение выморачиванием.

Пройдя переулком, мы окажемся перед остатками завода «Киевгума», бывшего «Красного резинщика» («Червоний гумовик»). В 1896 году здесь, поблизости к воде, стояла винокурня. В 1915-18 годах на ее месте заработал Демиевский снарядный завод. После гражданки – радиотехнические мастерские.

В 1929 тут запустили предприятие по выпуску резиновых изделий, спустя два года получившее название «Красного резинщика». Он производил прорезиненные

ткани, товары для медицины и гигиены. Во время Великой Отечественной войны был вывезен на Урал, после войны восстановился в Киеве, тогда же работниками завода впервые в мире были созданы линии массового, не кустарного выпуска сосок и напальчников. Из цехов выходили также детали для автомобилей, тракторов, резиновые лодки. С 1959 по 1965 годы для управления техникой и планирования работы ввели в действие компьютеры – тогда их называли ЭВМ, электронно-вычислительными машинами. Словом, это был один из самых передовых заводов своего времени.

1938 год. Реклама продукции завода.

В СССР многие технологии автоматизации разных процессов впервые внедрялись именно на «Красном резинщике». Завод строил дома для своих рабочих, держал базу отдыха в Конче-Заспе, с кинотеатром и лодочной станцией. Поблизости был и «свой» пионерлагерь.

Подул ветер перемен, в 1989 году «Красный резинщик» перешел на арендные отношения – вариант арендной формы хозрасчета. При этом фонд оплаты труда составлялся из дохода, что оставался после уплаты аренды. Прощание с прошлым отразило и новое имя – «Киевгума». В начале девяностых «Киевгума» стала открытым акционерным обществом и продолжала держать марку. На экспорт шло 35 процентов по странам бывшего Союза. В 2004 году было проведено обновление техники. Главное резиновое предприятие страны.

В 2013 году оно переехало в Бровары, на улицу Кутузова. Старые же цеха на Демиевке в 2014-м начали сносить. Продано!

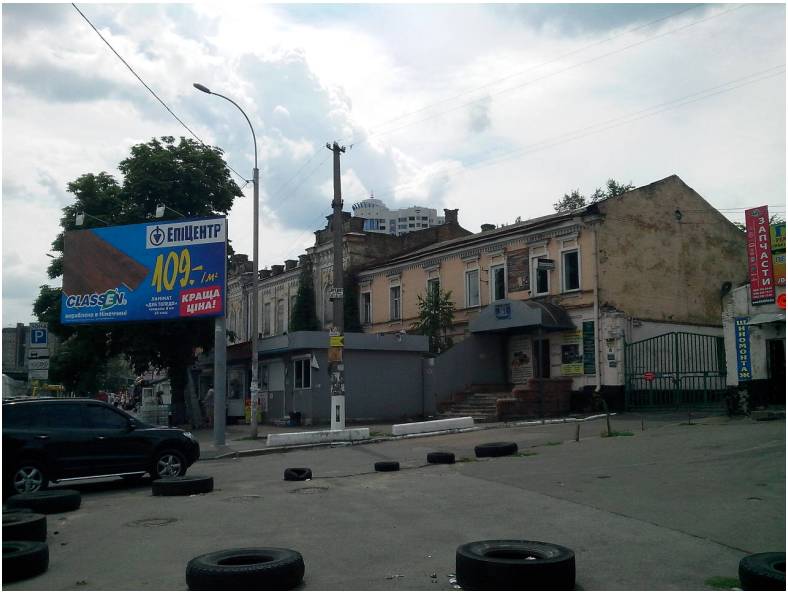
2013. Улица Изюмская, вдоль ограды «Киевгумы».

С южной стороны к «Киевгуме» примыкал Киевский пивзавод №1. История его такова.

В начале 19 века на Демиевке существовал пивоваренный завод купца Кирпичникова. В 1823-м полковник Иосиф Понятовский купил у Филиппа Касселя дом и пивоваренный завод, за 10000 рублей. Некоторые полага-

ют, что это один и тот же завод, и что именно его в 1865 году приобрел или арендовал Йоханн Генрих Шульц. Новая веха – 1881 год, ставший официальным годом основания пивзавода Шульца. Управление перешло к его вдове до совершеннолетия сына Карла. Шульцы владели заводом до 1915 года, когда им отказали в российском гражданстве. Впрочем, во время Первой мировой пиво уже не выпускали – сухой закон.

В том же году завод национализировали – как видим, этим занимались не только большевики. «Государственный пивоваренный завод, бывший Шульца» продолжил варить пиво. Варил и после революции. В 1938 году упомянут как «Київська держброварня». Во время Великой Отечественной, разливал в бутылки не пиво, но зажигательную смесь. В 2000 году – смена владельца, в 2003-м – прекращение выпуска продукции. На 2015 год часть зданий снесена, часть сдается в наём. Оборудование сдано в металлолом. Фирменными сортами пива этого завода были «Демиевское», «Шульц» и «Голосеевское».



2014 год. Здания пивзавода, выходящие фасадами на Московскую площадь.

За пивзаводом, уже по Краснозвездному проспекту – Завод художественного стекла, который год за годом теряет корпуса. Современное его название «Кристалл». В середине 19 века на нем выпускались бутылки для пива и кваса – надо полагать, удовлетворяя нужды предприятия Шульца. В гражданку стекольная фабрика была разрушена, но по 1923 год держались на плаву, делая оконные стекла. Затем, после перерыва, с 1925-го наладили производство посуды, и пошло-поехало.

В восьмидесятых там работала нашей семьи знакомая, она жила в доме над озером Глинка, мы к ней ходили в гости, она дарила нам бракованные кривоватые чашки, блюдца, наклейки на это дело – переводные картинки. Однажды попросили ее выдуть мне цветные стеклянные шарики. Но кто-то в цеху их сплюснул, и мне достались кругляши с отпечатками ладоней. До сих пор в шкафу лежат.

На этом снимке 2011 года запечатлен корпус, коего уже не существует – на месте зеленого здания построили бизнес-центр.

По правую руку, на стороне где я стою – заброшенные «Демиевские бани», а позади меня с горы нисходит улица Демиевская, проложенная вдоль Демиевского яра. Туда и отправимся.

Глава 4

Демиевский яр

Восточной границей Демиевки был Демиевский яр, половина его на 2016 год засыпана и застраивается. Раньше, со второй половины 19 века, прямо по дну яра шла одноименная улица. По крайней мере в 1911 году она уже именовалась Красным яром, а в пятидесятых снова была переименована в Демиевскую. На стыке 19-20 веков сие название носила другая улица – так, кажется, кликали нынешнюю Волжскую и Кировоградский переулок на Байковой горе. Где-то там.

В конце 1970-х, когда строили квартал панельных домов, Демиевскую улицу вытащили из оврага на хребет холма. Она прется на гору от лежащего в долине речки Совки Краснозвездного проспекта.

Впервые я попал сюда в 2005 или 2006 году, и если бы увлекался тогда краеведением Киева, то непременно сохранил бы в памяти окрестности. Но в голове было другое. Тем летом я прочитал в еще не Интернете, а Фидонете, объявление про набор актеров в любительский театр «Золотой шар», режиссер коего устраивал пробы. А мы с друзьями как раз снимали художественные фильмы, короткие и полнометражные, вот я и решил приобщиться к театру.

В жару, хотя не такую, как нынче – пишу эти строки, а за окном больше 34 – отправился на эту улицу Демиевскую, и помню только небольшой базарчик у 35-го дома,

там где бювет. Туда выносили разные фрукты, соленые огурцы и прочее. Напротив-то, на другой стороне улицы – частный сектор. Сейчас сдулся базарчик, забурели жители частного сектора, сами всё в супермаркетах покупают, умерли бабки, что выращивали в садах румяные яблочки. Чуть дальше разве, напротив банка и аптеки, у 43-го номера, иногда появляется старьевщик с барахлом.

В самом низу Демиевской улицы, по нечетной стороне – общежитие «Беркута», а потом, у пересечения с давней Казацкой улицей – школа №110 имени Казимира Гапоненко, с углубленным изучением французского языка. В Казацкую упирается и верховье Демиевской, а Демиевский яр находится в ложбине между ними. Казацкая – длинная, ее хватило на частный сектор Демиевки с Ширмой, покинув который, улица идет через промзону параллельно Васильковской улице.

Школа сто десять.

Сталинских времен школа, с фруктовым садиком и спортивной площадкой, стоит в тени под пригорком, в сторонке от места, где Демиевский яр смыкался с улицей. По середину 1930-х там было кладбище – на его месте сейчас южная половина здания школы, двор перед нею (на запад), дом по Демиевской, 12, и на пригорке,

по Римского-Корсакова 2-Б, огороженная территория дальнего радиопривода аэропорта. Рядом с нею нынче там вырастает, по засыпанному участку оврага, квартал небоскребов. В 1940-х улица Демиевская шла прямо в яру, это теперь она смещена восточнее. По месту прежней Демиевской – стройка да гаражные кооперативы, и так до переулка Бурмистенко, на уровне коего улица завершалась.

Яром ходил в школу пионер, третьеклассник Казик Гапоненко. Отец Казимира был потомственным железнодорожником, однако источники его имя дружно умалчивают. На станции «Киев-Московский» работала и Соня Прокудова, будущая мать мальчика. Позже она перевелась на фабрику Карла Маркса.

Учиться Казику и другим детям помешала Великая Отечественная война. Немцы соорудили в школе конюшню – та же судьба постигла и зверинецкую школу 133, где я учился. Софья и Казик вошли в группу подпольщиков Ивана Кудри (Максима) и его соратника, Мити Соболева, а дом на Демиевке стал конспиративной квартирой. Вот что пишет Леонид Даен в рассказе «Мальчик из легенды»:

> С первых дней войны Софья Степановна Прокудова осталась вдвоем с десятилетним сыном Казимиром Гапоненко в своем домике на далекой киевской окраине.
>
> Домику этому было чуть ли не сто лет, в нем жил еще дед Казика – превосходный столяр, старый большевик Степан Михайлович Прокудов[1]. Вокруг – большой сад, за которым сразу начинаются глубокие овраги. Перед домом в разные стороны разбегаются три горбатых улочки.
>
> Видимо, именно такое месторасположение привлекло сюда в августе 1941 года невысоко-

[1] Однако я не встречаю фамилию Прокудовых в подробнейшей адресной книге 1911 года среди списка владельцев усадеб на Демиевке. По Гапоненко – в Васильковском проулке тогда жил некий Гапоненко Дмитрий. Что до адреса Павловская, 34 – дом Прокудовых в сороковых, то на 1911 год нумерация этой улицы заканчивалась на 23.

го человека с волевым лицом, попросившего сдать ему комнату. Казик с любопытством разглядывал гостя.

Какая комната, когда идет война? Да и кто вас теперь пропишет?

Незнакомец прочел в глазах Софьи Степановны немой укор: все мужчины на фронте, а он в глушь забирается. Но притворился, что ничего не заметил, лишь сказал:

– Прописку беру на себя.

Казику квартирант понравился. Он многое знал, умел рассказывать интересные истории, любил мастерить. Жаль только, что не всегда можно его видеть, – случалось, дядя Дмитрий исчезал на несколько дней. Когда в Киев вошли фашисты, квартирант помрачнел. Иной раз в сумерках приносил какие-то подозрительные свертки и прятал их в овраге за садом.

– Что это у вас? – спросила однажды Софья Степановна, хоть Казик Гапоненко и сама уже догадывалась.

– Оружие, – не таясь, ответил постоялец.

В тот вечер он долго беседовал с Прокудовой, рассказывал о своей жизни и о том самом главном, во имя чего остался во вражеском тылу. Софья Степановна сказала ему, что хочет принимать участие в борьбе против оккупантов.

Так она стала хозяйкой конспиративной квартиры и вместе с Казиком начала помогать Дмитрию Ивановичу Соболеву. Член партии с 1918 года, чекист Соболев[2], в прошлом балтийский моряк, во время фашистской оккупации Киева был правой рукой, испытанным боевым другом руководителя разведывательно-диверсионной группы Ивана Кудри.

Постепенно в квартире Прокудовой появились пистолеты, гранаты, рация, типографский

[2]В подполье он был известен также как Семенов.

шрифт, листовки. Их тщательно прятали в погребе или в овраге, где была пещера. Казик помог Соболеву соорудить в печке тайник. Они вынули несколько кафельных плиток, уложили оружие и аккуратно водворили плитки на прежнее место. Листовки ловко маскировали в абажуре.

В домик на Павловской, 34 (ныне переулок Бурмистенко) заходили и сам Кудря, и его соратники – Антон Печенев, Жорж Дудкин, да некто Гнилюк – последняя фамилия кажется мне выдуманной, под нею для истории скрыли другую.

Расторопный чубатый Казик выполнял роль связного – ходил с корзиной, полной груш да яблок, пистолетов и листовок, картошки и ручных гранат, наконец денег. Передавал другим подпольщикам устные поручения и записки от Соболева. Запоминал пароли, имена, условные стуки в калитки.

Группу Максима[3] фрицы по частям стали раскрывать с лета 1942-го. Более известные и освещенные в истории – сам Кудря, оперная певица Раиса Окипная, и немка Евгения Бремер – были сданы предателем в июле. Существовала ведь еще одна конспиративная квартира, основная, на улице Чкалова 32 (ныне Гончара) – напротив этого дома, по другую сторону улицы, во внутреннем дворе поныне стоит желтый флигель Беляшевских (43-В), где сразу после войны получили комнатку в подвале мои прабабушка и бабушка, Бородины.

Подпольщиков убили в ноябре, когда уже мало жизни оставалось в их телах. Только 9 мая 1965 года Кудре присвоили звание Героя Советского Союза. Долгое время деятельность участников группы Максима была известна узкому кругу людей. Старушку-мать Окипной, после войны, едва не выставили из квартиры, полагая дочь Раису пособницей фашистов.

Странно, что Казимир Гапоненко, важный участник самой известной ныне киевской группы подпольщиков,

[3]Про нее много рассказывают произведения «Презревшие смерть» В. Парфенюка и А. Парфенюка, «Два года над пропастью» В. Дроздова, А. Евсеева и одноименный фильм.

почти не прослеживается в книгах о юных партизанах времен Великой Отечественной войны. В воспоминаниях же относительно группы Ивана Кудри, Казик чаще проходит безымянным. Какой-то мальчик передал то-то. Кудря и Жорж весной попали в Дарницкий лагерь, и безымянный мальчик доносит весточку верному человеку – Марии Груздовой, что жила в теперь и давно снесенном «доме Гинзбурга». Выручай! Тогда можно было вызволить из лагеря своего родича.

После смерти Максима, Окипной и Бремер, часть группы, сосредоточившись вокруг Соболева, продолжала деятельность. Митя Соболев, низенький, седенький, шифровался под спекулянта. Это позволяло ему долго скрываться, хотя именно в 1942 году по Киеву вроде бы именно про него гремела слава, как о «партизане Калашникове».

Например, он явился днем на фабрику Карла Маркса и вывез оттуда машину припасов, оставив кладовщикам расписку: «Взял для советских партизан. Калашников». Угнал у немцев два грузовика с обмундированием[4]. И так далее. Подпольщики сами добывали себе необходимое, в том числе деньги. У Соболева был в последнем особый почерк – действовать по субботам, что просекли в СД. Фрицы стали в эти дни устраивать в банках засады. Соболев притих, затем изменил своей привычке. При налете на сберкассу он был убит немцами в четверг, 4 февраля 1943 года.

[4]Про партизана Калашникова ходили легенды не только в Киеве, его признавали «своим» и жители оккупированного Житомира. Петр Вершигора в книге 1946 года «Люди с чистой совестью» приводит несколько таких рассказов с переносом на житомирскую почву, однако отождествляет Калашникова с командиром партизанского отряда Киевщины, колхозным бригадиром по фамилии Калашник, который был подменен немцами на предателя с такой же фамилией и внешним сходством! Есть и такие сведения о Калашнике – что гестапо создало несколько отрядов, которые действовали от имени Калашника с целью опорочить его. Одновременно с этим на Черкасщине и Винничине был известен партизанский отряд имени Чапаева, под командованием Ивана Калашника. Одни считали его провокатором, при помощи которого гестапо хотело раскрыть подполье. Другие видели в нем истинно народного партизана. Был убит 23 февраля 1943 года. Про него можно почитать в книгах Александра Сабурова «Таинственный капитан» и Михаила Наумова «Степной рейд».

Другой легендарный партизан – долговязый Жорж Дудкин. Прежде служил в УГРО, внедрялся в блатную среду, мастерски владел ножом. Во время войны принял образ слепого нищего, попрошайничал под Лаврой, между тем совершал диверсии. Следы его теряются после лета 1943 года, когда Жорж с Ниной Федорук грохнули на Байковом кладбище майора СС.

Наконец третья фигура из близких к Соболеву – Антон Печенев, он же Тосик, работник паровозного депо. С товарищами, о коих не дошла память, портил станки, где ремонтировались вражеские самолеты. Подрывал железную дорогу. Был ранен. Немцы окружили дом, где скрывался Антон. По одной версии, застрелился, чтобы не даться живым. По другой – расстрелян гестаповцами.

Всё продолжило рушиться осенью 42-го. 10 ноября у Казика был день рождения, одиннадцать стукнуло. А вечером 19 ноября в дом у оврага пришел Гнилюк с полицаями и гестаповцами. Софью избили, всё допытывались, где Соболев. По указке Гнилюка взяли Казика (тот знал тайный стук) и повезли к дому Печенева, но Казик, чтобы предупредить, стал пинать калитку ногами.

Печенев и Дудкин сбежали, убив одного гестаповца. Соболев, как оказалось, покинул дом получасом ранее. Гитлеровцы расстреляли во дворе родителей Печенева, а Казика с его мамой увезли в гестапо. Ничего не добившись от мальчика – а добивались долго – его убили. То ли в гестапо[5], то ли в Бабьем яру. А Софью отправили на работы в Германию. Она бежала из поезда, вернулась в Киев, на пепелище забросанного гранатами дома – фрицы искали рацию[6] и другие следы подпольной дея-

[5] Здание прежнего Института Благородных девиц, Октябрьский дворец.

[6] Рация – большая важность для подпольщиков, с ее помощью можно было передать добытые сведения на расстояние. Брат моего деда, Павла Петровича Семилетова, Володя, участвовал в партизанском отряде «Советские патриоты» и держал дома радиостанцию. Погиб 2 декабря 1943 года в Тираспольской тюрьме гестапо, когда он и другие схваченные подпольщики набросились из камеры на охрану и были расстреляны там же из пулемета. Похоронен в общей могиле в Тирасполе, в районе Кирпичной Слободки. Дед нашел его могилу только

тельности.

В 1965-м Казика посмертно наградили медалью «За боевые заслуги»[7], а Софью Прокудову орденом Отечественной войны 2-й степени. Софья умерла в 1993 году. Похоронена на Южном кладбище около Виты-Почтовой.

Перед школой с 1971 на гранитном постаменте стоит бронзовый памятник Казику, работы скульптора Куща. Своеобразным памятником погибшему можно считать и поэму Мария Познанской «Георгины цветут» («Жоржини цвітуть!»). Там и Казачья улица длинная, и действительно, цветут георгины – горит немецкая комендатура.

110-я школа засветилась и в другом, менее связанном с героизмом деле – в ней снимали эпизоды американского фильма 2004 года «Эвиленко» с МакДауэллом, касающиеся времени преподавательской деятельности маньяка в 1984 году. Буквально в первые же минуты фильма показан школьный двор, затем МакДауэлл в плохоньком парике сидит на лавочке под памятником Казику, читает «Правду»[8], а затем стоя предстает на его фоне – вероятно, режиссер посчитал это хорошим кадром. В жизни, никакой лавочки под памятником нет, туда цветы возлагают.

Окрестности школы относятся к стыку районов Демиевки и Ширмы, граничат с частным сектором и низовьями улиц Демиевской да Казачьей, где, на последней, сохранилась еще довоенная застройка, и западной стороной выходят в частный сектор и участок дальнего радиомаяка аэропорта Жуляны. Около него вдоль северного берега яра идет узенькая улица Римского-Корсакова[9].

Участок Демиевского яра между нею и улицей Демиевской эдак с 2013 года стал застраиваться жилищным комплексом «Демеевка». Я застал это место, когда там был поросший редким бурьяном пустырь, уже полуза-

---

весной 2011 года, потому что брат был похоронен под псевдонимом – Евгений Шварцах.

[7]В семидесятых-восьмидесятых годах на участке Знаменка – Пятихатки ходил электровоз ЧС4-012, носящий имя погибшего.

[8]По сюжету – месяц март, а в газете написано про похороны Дмитрия Федоровича Устинова за 24 декабря 1984 года, а сие в номере от 25 декабря.

[9]До 1955 года – переулок Суворовский, известный с начала 20 века.

сыпанный для каких-то нужд – хотя, повторюсь, еще в середине 20 века там залегал довольно глубокий овраг.

Поглядим на уже обреченное низовье Демиевского яра, каким оно было в 2012 и 2013 годах.

Этот домик прячется сбоку улицы Римского-Корсакова, она за кадром, справа. Дальше, на юго-запад, начинаются гаражные кооперативы, занявшие яр до самого переулка Бурмистенко.

В честь Бурмистенко, не имеющего отношения к переулку, наверху на угловом доме установлена памятная доска. Неподалеку есть вдобавок одноименная улица. Казимира Гапоненко, проживавшему в нынешнем переулке, памятью такой не почтили.

Проулок относительно плавно нисходит в яр от Демиевской, и затем круто, под 12 градусов, идет в гору на другой берег, чтобы присоединиться к Казачьей. По четной стороне – поворот к гаражам, по нечетной – усадьбы, ветклиника Левицких, и самое дно яра, где при жизни Казика был перекресток.

Дом Прокудовых стоял по адресу Павловская, 34. По современной нумерации это, вероятно, Бурмистенко, 34, либо смежный с ним заброшенный, за ржавым забором, участок, где по 2016 год виднелись какие-то развалины – однако не думаю, что от уничтоженного гитлеровцами «столетнего дома». В 2016-м участок принялись застра-

ивать.

Крутенький, ой крутенький переулок Бурмистенко. Спину заломит, пока поднимешься, да и спускаться-то тяжко. Следующий снимок сделан в 2011 году от клиники Левицких. Около второго фонарного столба и был перекресток у дома Казика Гапоненко.

Подойдем ближе, ко дну низины. Где-то тут справа и был адрес Павловская, 34. В углу снимка 2014 года (ниже) заметна крыша современного номера 34. За этой и соседней, ближе к нам, вымороченной усадьбой, далее направо, на восток к гаражным кооперативам продолжается яр. Налево, к западу, овраг по лето 2016 года не был застроен, он вгрызался в район Ширмы до своего начала у перекрестка улиц Казацкой и Майкопской. Ложбина яра превращена в свалку, хотя еще в первом десятилетии 21 века тут, на травке у проулка, паслись беленькие козы. На отрезке подъема до Казацкой, по четной стороне переулка, домики довольно старые, по нечетной же выросли новые хоромы.

Сюда, на конспиративную квартиру, собирались подпольщики. Люди смелейшие, ходили каждый день по краю могилы, наносили врагу ощутимые удары, но каждый удар отдавался врагом сторицей, и другим.

Объявление коменданта города от 22 октября 1941:

В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это

послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Объявление за 2 ноября 1941:

Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога и саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции. Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Объявление за 29 ноября 1941:

В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было дольше терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения. Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции для того, чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

Об этих 400 мужчинах, убитых за испорченные подпольщиками средства связи, не напишут книг. Их тела даже не найдут, хотя известно, что расстреливали на Лукьяновском кладбище. Останки еще трехсот – возможно, из объявления за 2 ноября – уже после войны обнаружили рабочие у западной стены Лукьяновского кладбища во время прокладки улицы Оранжерейной.

Неужто партизаны не знали, на ком отыграются гитлеровцы? Неужели порча кабеля ускорила освобождение Киева, которое пришло лишь осенью 1943-го?

На следующих снимках 2014 года, у «горбатых улочек», и завязывались нити, ведущие к деяниям одних, потерям у других и расплате третьих.

Пойдем по яру дальше, на запад. Повернем налево. В 2011 году из оврага еще вытекал ручей. Ныне он иссяк.

Отсюда до самого начала яра, 250 с лишком метров. Снизу туда не заберешься, сверху не обойдешь.

2015. Начало яра.

2015. Вид в противоположную сторону.

Посередке зелени белеет гаражный кооператив. Панельные, семидесятых годов дома перед громадами 21

века – улица Демиевская. Деревья стоят в яру кронами вровень с берегами. Тут они еще высокие, не засыпан овраг отсель до проулочка.

Демиевский яр помнит, как дом Казика Гапоненко немцы забросали гранатами.

Не помнят только люди. Осень 2016, низ переулка Бурмистенко застраивается. Бетоном залита заброшенная усадьба, где мог стоять дом Гапоненко. Теперь тут возводят фундамент. Напротив через улицу, со стороны, откуда вытекал ручей, сквозь перегородившую яр стройку еще видны вербы. Строительство ведется и наверху, в самом начале Демиевского яра, и по его протяженности от гаражного кооператива к 110-й школе. Однако та половина яра обречена была давно, а половина к западу от переулка Бурмистенко держалась, сохранялась в диком виде все эти годы.

Всё переменилось.

Глава 5

1957. Два ИЛА

Поскольку в этой части книги далее будет речь о поселке Совки, а в популярном краеведении можно столкнуться со сведениями, что в 1957 году там «разбился самолет», надо развеять это заблуждение, пока мы находимся в близости от настоящего места катастрофы.

Возле 110-й школы Казика Гапоненко стоит ДПРС (Дальняя Приводная РадиоСтанция)[1] – посадочный радиомаяк аэропорта «Жуляны». Это важный ориентир.

Вечером 17 августа 1957 года над районом не смогли разминуться два ИЛ-14, №2071 и №1360. Оба новенькие, того же года выпуска. Комиссия по расследованию установила следующие причины крушения – неосмотрительность со стороны обоих экипажей, халатность диспетчера и многое другое.

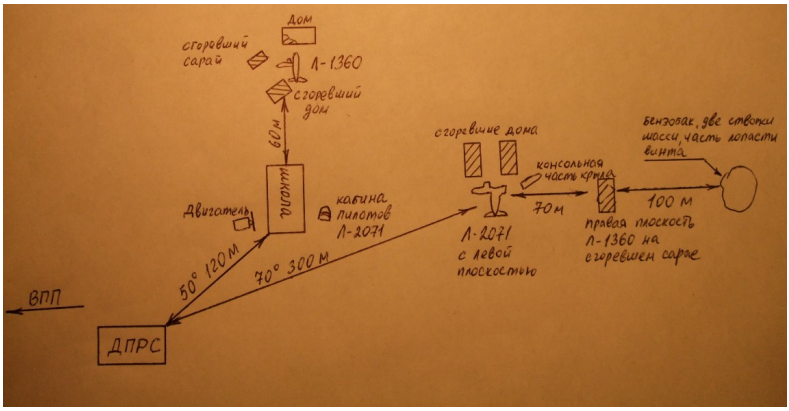
От автовокзала борт №2071 начал приближаться к ДПРС и делать левый разворот, чтобы взять курс на ВПП (взлетно-посадочной полосе). В то же время по прямой на посадку шел борт №1360. №2071 догнал его, и выруливая прочь, задел винтом правое крыло соседа. У того взорвался топливный бак, а крыло отвалилось. Сам №2071 взорвался и упал от ДПРС в 300 метрах. Занявшийся пожар уничтожил там два дома.

Оба самолета распадались и корежились в воздухе. Обломки и тела раскидало по окрестностям. Кабина

[1] 50°24′16.21″N (50.404502), 30°30′40.82″E (30.51134).

№2071 опустилась с одной стороны школы, двигатель с другой. Горящий борт №1360 рухнул на жилые дома в 60 метрах севернее школы. Сгорела часть многоквартирного дома на улице Совской, 27, а также соседние частный дом и сарай. Шестеро жителей погибли. Тяжело пострадали 11, легко были ранены 12 человек. Из экипажей, по пять человек в каждом, никто не выжил.

Место катастрофы определено в 4,5 километрах от взлетно-посадочной полосы с МКпос (Магнитный курс посадки) 262°. На следственной схеме показан разброс частей самолетов и другие объекты относительно ДПРС.



Подробности куда лучше меня расскажут очевидцы. Вот несколько протоколов допроса свидетелей.

> 17 августа 1957 г., примерно в 8 часов вечера, я шел по ул. Б. Китаевская[2] возвращаясь из магазина. В это время я увидел самолет двухмоторный, который летел с юго-восточной стороны по направлению Жулянского аэродрома, т.е. в западном направлении. Самолет шел примерно на высоте 200 метров и видно было, что он шел на посадку т.к. у него были выпущены колеса.

[2]Прежде Большая Китаевская подходила к Московской площади, и шла параллельно Саперно-слободской. Нынешняя Большая Китаевская смещена и укорочена.

В этот момент с южной стороны по направлению востока, а потом северо-запада начал разворачиваться второй такой-же самолет двухмоторный, но у этого самолета, который разворачивался, я не видел выпущенных колес. В момент разворота этого самолета и произошло его столкновение с летевшим на посадку самолетом.

Сразу же от столкновения самолетов тот, что шел на посадку окутался пламенем огня и начал мгновенно падать на землю, а тот который разворачивался, на какое то мгновение скрылся в дыму, а потом быстро вышел из клуба дыма и тоже объятый пламенем пошел вниз в западном направлении.

Я понял, что самолеты упали где то в районе ул. Совской, где проживают мои родственники. Не заходя домой я быстро побежал к дому №27 по ул. Совской, где проживала сестра моей жены Абрамова Даша Ивановна с мужем Абрамовым Андреем Ивановичем. Прибежав к дому №27 по ул. Совской я увидел, что самолет горел, носовая часть самолета была опущена в подвал дома в квартиру Абрамова. Горел сарай и пристройки дома №27.

В моем присутствии произошел сильный взрыв горящего самолета, видимо взорвались бензобаки и пламя еще больше распространилось на постройки дома. Сюда же сбежалось много людей, начали сыпать песок на горящий огонь, но погасить пламя никак не удавалось, а потом приехали машины пожарной охраны и ликвидировали пожар. В результате разрушений и пожара полностью разрушились и сгорели три квартиры.

Мой родственник Абрамов находился в квартире и его там завалило, где он и умер. Вещи Абрамова полностью сгорели. На какую сумму погибло вещей Абрамова я не знаю, но на большую сумму. Жена Абрамова находиться в

очень тяжелом состоянии здоровья в связи с происшедшим. Я знаю, что 4 человека из этого дома погибло от ожогов и разрушений дома. Несколько человек пострадавших находятся в больнице по случаю получения ожогов.

Нога Иван Сергеевич, столяр стекольного завода.
г. Киев 20 августа 1957 г.

***

Я Матиков Александр Пантелеевич летчик, полковник авиации запаса, 17 августа 1957 года вместе с женой приехал на троллейбусе №1 на конечную остановку «Клуб им. Фрунзе»[3], где я вышел из троллейбуса.

Выйдя из троллейбуса мы наблюдали за проездом автобусов с делегациями Всемирного Конгресса демократической молодежи. В это время, я как бывалый летчик, обратил внимание на близко идущие от третьего к четвертому развороту два транспортных самолета, которые идя под углом друг к другу и на разных высотах сближались подходя к четвертому развороту.

Номеров самолетов я не видел, поэтому как указано на моей схеме, я буду объяснять положение самолетов в воздухе по порядковым номерам – выше летевший самолет – №1, ниже летевший самолет – №2.

Самолет №2 находясь слева и ниже от самолета №1, к четвертому развороту подходил не под 90 грд., а значительно меньше, вероятно третий разворот был выполнен им далеко.

Самолет №2 подойдя под углом к четвертому развороту и на удалении, выполнил разворот и шел на прямой. Самолет №1 находясь выше и слева самолета №2 выполнил четвертый

[3]Район Московской площади.

разворот и прямолинейно продолжал полет заходя на посадку. За время потерянное самолетом №1 на развороте, самолет №2 догоняет самолет №1 и подлетает строго под него.

Летчик самолета №2 находясь под самолетом №1 вероятно заметил над собой самолет и начал отворачивать вправо. Во время отворота самолета №2 он своим левым крылом ударяет по центроплану или фюзеляжу самолета №1 и сразу после удара, левая консоль крыла самолета №2 отваливается и самолет через несколько секунд взрывается.

С отбитой левой консоли крыла самолета №2 после взрыва срывает дюралевое покрытие и осколки падают на автостраду. Горящий самолет №2 с правым креном, целым правым крылом, работающими моторами с быстрым снижением падает. Самолет №1 после удара и взрыва самолета №2 продолжает прямолинейный полет не разрушаясь и не взрываясь и лишь через несколько секунд на самолете №1 загораются моторы и передняя часть фюзеляжа. Горящий самолет №1 продолжает полет со снижением и скрывается из моего поля зрения. Он упал ближе, его удар сопровождался звуками разрушения деревянного сооружения, я понял, что он упал на дом.

Через некоторое время я услышал второй взрыв и поднялся второй столб черного дыма. Я понял, что самолет №1 упал и взорвался. Я побежал к телефону автомату, но к месту происшествия уже мчались работники милиции и они мне сказали, что пожарные команды и скорая помощь вызваны.

Самолет №1 шасси не выпустил, у самолета №2 шасси были как будто выпущены – точно утверждать не могу, ибо не обратил внимание, но при падении самолета №2 с креном, шасси видно не было.

Полковник авиации в запасе, герой Советского Союза, Матиков Александр Пантелеевич.
22.08.1959г., г. Киев.

***

Выполняя рейс №800 на самолете Л-4570, в составе экипажа из трех человек 17.08.1957 г. в 19:46 мы доложили о входе в зону, на что получили разрешение на вход и условия «Подход по коридору визуально, посадочный 262 грд.»

В 19:55 мы с борта запросили включить «Татьяну», на что получили ответ с КДП, что «Татьяна» включена и работает.

В 20:00 мы увидели взрыв на Н=250-300 метров, на прямой между 4-м разворотом и дальним приводом. Команд с бортов заходивших на посадку нам не было слышно. После происшедшего взрыва нас с КДП вызвали на контрольную связь, мы ответили.

В 20:06 мы запросили СКП на вход в круг, на что получили разрешение и условия посадки. При заходе на посадку перед дальним приводом на земле мы увидели два очага пожара и стабилизатор и часть фюзеляжа самолета Ил-14.

Командир корабля Савельев К.А.,
18.08.1957г., г. Киев.

***

Будучи в составе караула с 17 на 18 августа с.г. я выполнял служебные обязанности на объекте №44, вблизи стартовой машины (восточная ВПП).

Приблизительно в 19:55-29:00 я посмотрел вверх в сторону посадки самолетов и заметил как самолет шел на посадку на высоте примерно 200-300 метров. В это время показался

другой самолет, который шел по кругу немного выше первого, на небольшом расстоянии, по моему определению 1-1,5 км.

Этот самолет, который шел по кругу быстро приближался к первому, т.е. к которому шел прямо на посадку и вышел ему вперед. Самолет следовавший прямо, сделал резкий наклон вправо и здесь они столкнулись.

Самолет, который шел прямо ударил левой стороной не то лопастью, не то мотором в самолет, который шел по кругу, т.е. самолету вышедшему вперед и ударил его в правую сторону. В этот момент получилась вспышка, а затем отвалилось крыло и охватило дымом, самолет пошел книзу. Самолет, который шел прямо (по прямой) на посадку упал целый 1-2 раза перевернувшись.

Заметив вспышку я побежал к стартовой машине, чтобы сообщить в караульное помещение. Но на старте уже было известно о случившемся.

Боец Киевского отряда ВОХР, Омельчук Виктор Алексеевич,
20.08.1957г., г. Киев.

***

17.08.1957 года я был во дворе, где я проживаю. Наш дом находится в створе посадочной полосы и идущие на посадку самолеты проходят над нами. В это время я обратил внимание на самолет, который летел по прямой на посадку, а второй с разворота тоже выходил на курс посадки и сблизился с первым на близкое расстояние.

Тогда самолет, летящий по прямой (по моим соображениям очевидно заметил летящий ему в бок самолет) начал делать правый разворот с набором высоты, но уже было поздно, самолет который летел с разворота ударил его с

левой стороны. Сразу же на самолете летящем по прямой произошел взрыв и он стал падать со скольжением по наклонной плоскости в направлении курса посадки.

Второй самолет, который шел с разворота, после столкновения отбросило в сторону, он еще пролетел некоторое время (сек. 2-3), а потом на нем произошел взрыв (гораздо сильнее чем на первом). После взрыва он начал беспорядочно падать (кувыркаться).

Контролер регламентного бюро Марочкин П.П.,
20.08.1957г., г. Киев.

Глава 6

Нижний каскад прудов

Раз уж мы добрались до Казацкой, прогуляемся по району Ширмы, а потом вернемся к Краснозвездному проспекту и Совским прудам.

Улица Казацкая – позвоночник Ширмы, давняя, населенная с 19 века. Но еще в середине 20-го, от перекрестка с Майкопской и на запад это была проселочная дорога вдоль земельных наделов по складкам горы, за каким-то чертом поросшей после войны частными усадьбами. Здесь же, к самой вышине холмовых складок, стали присоединяться со всех сторон улица Гористая, Пятигорская и прочие, соревнуясь одна с другой крутостью.

От Казацкой в сторону Совских прудов на север, и улицы Кайсарова на запад, к району Со́вок, лабиринтом улочек раскинулась Ширма, чем-то похожая на частный сектор Зверинца с его лестничками и подобными перепадами высот. Но Зверинец был не таким зажиточным. Это нынче всюду одного пошиба терема. И пожалуй, ни в одном частном секторе Киева, кроме Ширмы, я не ощущал, будто хозяева домов сидят за заборами в будках, вместо сторожевых собак, и рвутся с цепи, ежели кто проходит мимо ворот.

Ширма названа так вроде бы по фамилии землевла-

дельца (Ширмы либо Ширмана), у которого был здесь сад, однако я таких сведений в старых адресных книгах не находил. Местные именуют свой район по-разному. То Краснозвездным, то Ширмой, то, по старой памяти – Сталинкой, ведь в 1930-е вся Демиевка купно с Ширмой считалась Сталинкой.

Еще в середине 20 века почти вся эта сеть улиц от Мыстэцкой до Казацкой, где навечно запутываются таксисты, была разбита на участки под выращивание овощей и фруктов – ведь еще западнее, на соседнем холме, стояли и стоят поныне домики совхоза Совки.

В первой половине 20 века южные берега Совских прудов выглядели иначе. Отрезок Краснозвездного, лежащий от Московской площади до остановки «школа имени Лобановского» именовался улицей Совской. Западнее, эта Совская, в отличие от нынешнего проспекта, отклонялась ближе к горе и террасой лезла наверх.

От прежней Совской остался еще участок современной Гвардейской за длинным «домом работников стекольного завода» номер 130, начинаясь с западной его стороны, где на пригорке из арки выходит асфальтированная дорога. Это и была Совская улица. Далее она ныне длится под именем части Батумской, до поворота, там где дом монашек ордена Матери Терезы, и резко сворачивает на запад в качестве начала улицы Гвардейской, до государственной ветклиники.

Улицы Кустанайской – не было, она появилась ближе к концу пятидесятых. Домики стояли вдоль Казацкой и Совской, да по примыкающим переулкам. Про давность уцелевших старых построек судить сложно. Часть определенно строилась до войны, некоторые еще до революции. Я находил у обочины кирпичи 19 века на Казацкой, около Пятигорской и между Кустанайской и Краснозвездным.

На одной из гор Ширмы есть опоясанный улицей Холмогорской скверик с детской площадкой и памятником, приуроченному к месту боев при обороне Киева летом 1941 года. Там же сохранилась одна из водных колонок. Другая стоит на Казацкой.

С высот Ширмы далеко видны окрестности. На север,

за Нижним каскадом прудов – Байковая гора с поселком Монтажник и кладбищем, где глаза сразу притягивает белое, фантастическое здание крематория, построенного на засыпанном яру. В другую сторону, на северо-запад, обозревается часть Совок и Краснозвездный проспект, прямой линией устремившийся к Соломенке. А на юг можно разглядеть холмы Голосеево с водонапорной башней.

Самая высокая точка района – перекресток Казацкой и Гористой. Несколько ниже – место, именуемое «у гендэлыка» (по сгинувшей некогда наливайке), где к Казацкой сходятся улицы Пятигорская и Майкопская, а с юго-востока за усадьбами подступает верховье Демиевского яра. Там же и остановка единственного автобуса, редкого, как белый бизон. 28-й маршрут весьма замысловат. Другого транспорта на Ширме нет, изредка впрочем проскальзывают какие-то залетные маршрутки. Между тем над районом постоянно и низко летают самолеты, ведь рядом – Жуляны с аэропортом.

Ширма – не только частный сектор. По улице Кустанайской и на параллельном ей отрезке Краснозвездного есть застройка высотная[1] и хрущовская (вдобавок довоенное здание УТОС на Краснозвездном, 136). К югу от Кустанайской, над Кустанайским переулком (где сохранилась с советских времен столовая под вывеской «Їдальня»), на следующей череде уступов холма, по горке раскиданы желтоватые здания о нескольких этажах, подобные тем, что еще уцелели в Аварийном поселке (Соцгород) и в Старой Дарнице. Дом на Майкопской, 4, называют «генеральским». Трехэтажка по адресу Майкопская, 14-А, проектировалась о четырех этажах, но прораб крупно проворовался.

Склоны за многими домами запятнаны люками в погреба. Самые крутые горки оснащены опасными, с раскрошенными ступенями, лестницами. Есть они в частном секторе и «городской» застройке. Одна из причин, по которой общественный транспорт не жалует Ширму – перепады высот. Зато легковухи гоняют вовсю, будто соревнуясь друг с другом в превышении скорости.

[1] Дом 126-Г стоит на роднике.

В 1940-х была заселена еще часть Ширмы, где ныне улицы Пролетарская и Мыстэцкая. Они прилегают к Гвардейской и печально знамениты своей канализацией, выведенной при помощи «врезок» в коллектор давнего ручья. Нечистоты без какой-либо очистки сбрасывается за Краснозвездным в Совские пруды[2]. Диггеры называют сей коллектор «Ветеринарным», а местные именуют выход из него «речкой Вонючкой». Обильный ручей, полный растворенного в мыльной воде дерьма, уходит в один из прудов Нижнего каскада, распространяя вокруг тяжелый дух. В загрязнении прудов Совки стараются также многочисленные автомойки на ней и ее притоках. Нужники других улиц, например Казацкой, обслуживаются илососными машинами. Однако жителям Гвардейской рыть выгребные ямы запрещено – получается, надо ждать, пока здесь проложат городскую канализацию.

2010. Вонючка выходит из коллектора.

[2] А где? А тута: 50°24′29.17″N (50.408104), 30°30′4.72″E (30.50131).

2014. Вид на Гвардейскую.

2013. Ширма весной. Вдали – Краснозвездный и Соломенка.

2009. Над Кустанайским переулком.

Там же, тогда же.

2012. Развалины деревянного дома у перекрестка Гатной и Казацкой.

2013. Казацкая у Майкопского переулка. Довоенный дом.

2013. От двадцатых номеров на Казацкой улица резко сходит с горы.

2012. Низ улицы с довоенной застройкой примыкает к школе, где учился Казик Гапоненко.

Там же.

С Казачьей мы спускаемся на низовье Демиевской, напротив стекольного завода. За ним и бывшей «Киевгумой» в коллекторе течет Совка. На запад отсюда, после выпуклого холма, начинается Нижний каскад. Пока мы не достигли его, расскажу о горке, перед которой мы оказались. С юга ее поджимает Краснозвездный, с се-

вера – улица Кировоградская, а за нею Байкова гора. Речка уходила в коллектор на территории «Киевгумы» со стороны Кировоградской. В 2016 году на этом участке ведется строительство и речка выведена на поверхность.

А до «Киевгумы» Совка следует в овражке под холмом, за станцией техобслуживания и двором Киевского военизированного горноспасательного отряда, за оградой коего у берега речки белеет чуть ли не шевченковская хата. Над всем этим нависает холм, с этого бока круче и выше, чем от Краснозвездного. Там расположены корпуса академии МАУП[3], жилой дом в Тихоновском переулке, и старинный Фрометовский спуск отделяется по склону вниз от Фрометовской (Фроментовской) улицы – осколки частого сектора. Был еще переулок Фрометовский, да сгинул.

Все названия сии известны еще с 19 века, от аптекаря Антона Даниловича Фроммета (умер в 1866 году), владевшего тут дачей и мельницей. Дом и прочее имущество унаследовал его брат Николай. Николай помимо аптеки завел дома в центре города, которые сдавал в аренду. Но в восьмидесятых годах Николай Фроммет, перенеся паралич, был признан сумасшедшим («паралитическое слабоумие») и стал жить под опекой своего сына Роберта[4] сначала на Малой Владимирской улица (Чкалова, затем переименована в Гончара), потом на Малой Жандармской (Саксаганского).

Кроме больного отца, Роберт получил его заложенное за долги имущество. После выяснений, как и кому платить, основной дом Фроммметов (на углу Тимофеевской улицы и Бибиковского бульвара, ныне Тараса Шевченко, 36, и флигель на Коцюбинского 14) в 1886 году достал-

[3]На его территории – НИИ УКРНДИНАФТОГАЗИНФОРМ по адресу Фрометовская, 18-А, здание 1938 года, а 4-й корпус МАУП тоже был построен до войны.

[4]Известен также сын Роберта, Борис Фроммет (1887) – публицист, журналист, деятель кооперативного движения в России, член партии конституционных демократов. Судьбу его проследить не удалось. По решению заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 23 февраля 1922 года выслан в Туркестан сроком на 3 года, после чего следы его в истории то ли теряются, то ли оборвались. Реабилитирован в 1994 г.

ся московскому купцу Карлу Федоровичу Раузеру, возможно брату уже знакомого нам Рудольфа Федоровича Раузера, директора рафинадного завода.

Однако с домом произошло следующее. Карл Раузер в марте 1887 году заложил этот дом, чтобы выплатить займ в 75 000 рублей, данный ему на три года Рудольфом Раузером под 6,5 процентов годовых, что как-то не вяжется с братским отношением.

Сам Карл Раузер в Киев не являлся и действовал через доверенное лицо, Афросимова. Вся эта деятельность Раузеров купно с невменяемостью Николая Фроммета вызывает у меня много вопросов, решение которых лежит вне рамок этой книги.

В 1889 году Николай Фроммет умер от кровоизлияния в мозг и был погребен на католическом участке Байкового кладбища.

Похороны обошлись Роберту в 199 рублей, что известно из предоставленной им для возмещения сметы: 3 посещения врача перед смертью: 6 рублей, похоронная процессия: 60, ксёндзу за обряд проводов: 30, органисту: 5, на костел святого Александра: 25, свечи: 7,40, в квартире: 10, факельщикам: 3, место на кладбище: 15, рытие ямы: 4, найм четырех фаэтонов: 12, аванс извозчикам: 3,50, поминальный обед: 15.

В имеющемся у меня подробном адресном справочнике за 1911 год, на Фрометовской улице и в ее окрестностях фамилия Фроммет нигде среди владельцев усадеб не значится. Однако под номерами 1 и 25 записаны усадьбы Николая Берлизова, вероятно примыкавшие к его же мельнице на Совской улице.

Один за другим уже исчезли почти все старые частные дома на Фрометовской, что восточным концом выходит к дому культуры имени Батюка и остаткам прежде сквозной (по переулку Ясиноватовскому) промзоны, раскинувшейся на бывшем месте совхозных огородов. Учебно-производственное предприятие №1 от УТОС[5] связано с центром УТОС напротив, на Краснозвездном, и с именем самого Батюка, слепого подпольщика.

[5]Українське товариство сліпих.

2010. Фрометовская улица. Этих домов больше нет.

2010. Фрометовская улица. Теперь здесь – бизнес-центр.

2013. Фрометовский спуск, начало. На горке – дом в Тихоновском переулке.

2010. Классический вид Фрометовского.

2010. Чуточку ниже. Вид со спуска на Забайковье и Монтажник.

В пределах между низом Фрометовского спуска и Изюмской, Совка всё же не постоянно на поверхности, но кое-где взята в коллектор, и у холма, под самым МАУП, к склону жмется глубокое высохшее русло.

Битый, местами мощеный булыжником спуск от Краснозвездного сходит к улице Кировоградской, почти до перекрестка с главной магистралью поселка Монтажник – улицей Монтажников. Параллельно ей за усадьбами по четной стороне, от низа улицы до тридцатых номеров, в ложбине протекал ручей – его видно на плане РККА 1930-х годов, и мостик через него на территории нынешней воинской части напротив устья Фрометовского спуска. Вероятно, остатки ручья сохранились поныне, судя по спутниковой карте, но я всё никак не доберусь к нему лично.

2014. Вид с Кировоградской на Монтажник. Пруды – справа.

Монтажник после войны застроили частными домиками, до того это был разрезанный Божковым яром здоровенный голый холм, у подножия коего и лежит Кировоградская, обжитая еще до войны. Эта улица с востока

за запад идет по долине Совки, вдоль речки и прудов с одной стороны, и волнистой цепи холмов с другой, где Байкова гора плавно переходит в более пологое Забайковье, а оно – в возрастающую, могучую кручу Монтажника, вся мощь которой ощутима на улицах, обращенных через балку к Ширме – Семена Дежнева, Купянской, Лисичанской. Там где сейчас улицы Дежнева и Купянская, склон, к востоку от Луганской улицы, невесть с каких пор террасирован до самого верха.

Нижний каскад Совских прудов – мелкие водные участки, разделенные гатями с канальчиками. Посередке их, вдоль русла Совки – две земляные насыпи, по которым прежде шли грунтовые дороги, а ныне через бурьяны протоптаны тропы. Внутри северной насыпи сокрыт коллектор.

На всем протяжении Нижнего каскада прудов раньше стояли мельницы. По карте 1753 года они, с востока на запад, обозначены так: Печерская мельница, Великая мельница, и еще две Печерские мельницы – одна по ходу Совки до перекрестка Кировоградской, Кайсарова и Краснозведного, другая после, то бишь по Кировоградской дальше. В 1930-х совхоз «Совки» обустроил эти старые пруды под разведение рыбы. Дело разрослось. А зимой вырубали лед для поставок в город под ледники.

Ныне пруды заросли камышом и болотной травой. На некоторых участках – душистое, гудящее разнотравье. Трудится мохнатый шмель. Водятся утки, в начале 21 века еще пряталась в подбрежных жилищах бобры, плавали черепахи. Высоко в небе летит чайка. Экологи говорят о множестве обитающих тут краснокнижных животных.

В 2005 году Нижний каскад прудов собрались осушить или засыпать, а на его месте возвести торгово-развлекательный центр, оставив впрочем часть водных участков. Общественность отстояла. Еще спустя лет пять пруды обнесли железным забором. Затем он исчез, оставив в земле глубокие дыры от бревен, с которым крепились металлические листы. Кроме этих дыр, куда можно угодить ногой, среди травы раскрыли круглые рты канализационные колодцы со снятыми люками.

В 2013 или 2014 году, уж не помню, склон горы Монтажника, над Кировоградской, начали расчищать под строительство жилого комплекса – вырубили деревья, срыли часть холма. В 2015 году возвели уже один небоскреб, а напротив него, на прудах, через каналы проложили два мостика. Многолетнее запущенное состояние Нижнего каскада превратило его в островок дикой природы. Но кажется, планы застройщиков нарушат покой здешних птиц и зверей.

Со стороны Кировоградской, около остановки «улица Купянская», в пруд из трубы впадает небольшой приток. Прежде он протекал по засыпанному ныне овражку. У противоположного берега, около остановки «Мыстецька», из большой круглой трубы коллектора источается речка Вонючка и заболачивает смрадной гущей пойму пруда ниже по течению. Что впрочем не мешает возиться около нее праздничным шашлычникам.

Еще один приток присоединяется к Совке под землей у перекрестка Краснозвездного и Кировоградской со стороны улиц Луганской и Дежнева. Кроме помоев, он несет и чистую воду родников. На Луганской они сочатся буквально из каждой усадьбы. Эта улица относится уже, по сути, к поселку Совки, отрезанная от него проспектом. В лежащей по ярочку нижней части Луганской, что забирается потом на гору, старые домики умирают, возводятся новые, а строители сражаются с грунтовыми водами.

Все берега Нижнего каскада превращены в сплошную свалку. Старые седые вербы плачут от химии, впитывая ее корнями из речки и прудов, куда каждая новая автомойка тянет для стоков трубу. В русле образуются плотины из мусорных наносов.

Однако не всегда вода несла только мусор. Здесь, на глубине 13-15 метров, при пробах грунта найдены иловые отложения. Это значит, что некогда дно было на столько метров ниже современного. Нынешняя глубина прудов Нижнего каскада разнится в зависимости от участка, некоторые эдак по пояс, другие глубже. Ширина речки здесь – кое-где можно перепрыгнуть с разбегу, а точно я не измерял.

2011. Совка. Вид с прудов на Монтажник и Кировоградскую. Еще не построены небоскребы.

2010. Монтажник за Кировоградской.

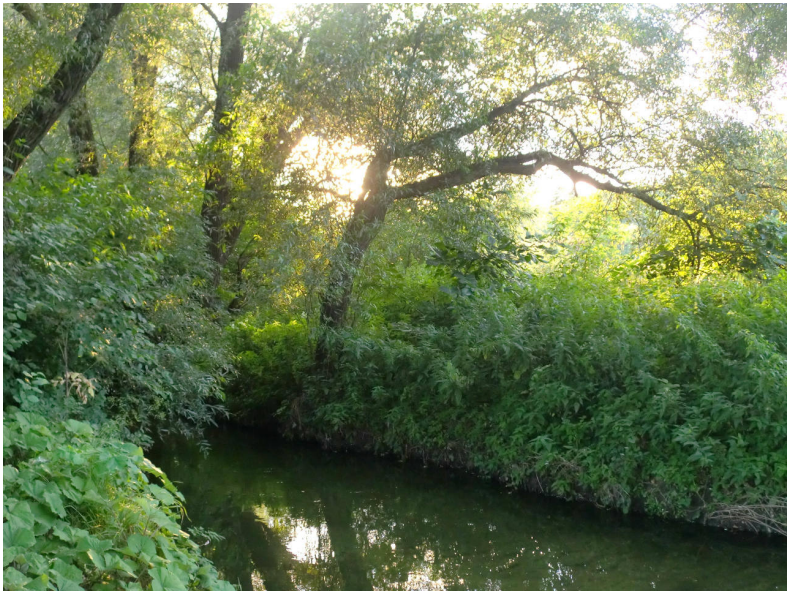
2012. Вид через пруды с Краснозвездного на Монтажник.

2011. Склон Монтажника. Перед ним теперь небоскреб.

Чуть сместим ракурс. Слева – затопленная роща.

Она же летом, ближе.

2011. В осушенном пруду – буйное разнотравье.



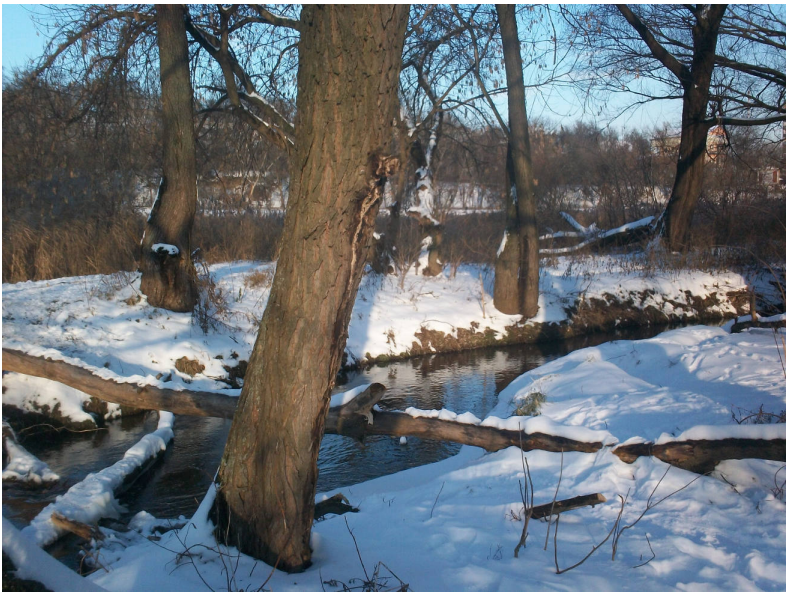
2011. По обе стороны русла Совки – пруды.

2011. На реке бывают перекаты.

2011. Иногда химия насыщает воду не только запахом, но и цветом.

На снимке хорошо заметны перепады высот, преодолеваемые рекой.

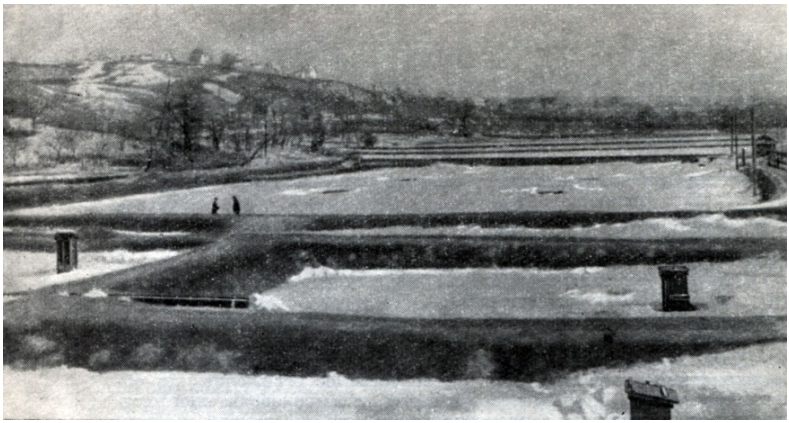
2010. Есть и спокойные участки.



2010. Народная переправа. Теперь здесь мостик.

2011. Несмотря ни на что.

Пойма Совки, веками перегораживаемая плотинами, неизбежно заиливалась, даже если пруды расчищались. От наносов повышался уровень дна. И выходит, что прежде котлован долины был на эти 13-15 метров глубже. Однако насколько он был заполнен, какова была глубина водотока? Если объем воды был такой же, как теперь, то водная поверхность просто лежала ниже современной. Иначе же – расстояние между дном и поверхностью воды было бóльшим.



Зимовальные пруды рыбхоза. Из книги В. А. Мовчана «Жизнь рыб и их разведение».

А вот так выглядели пруды Нижнего каскада в шестидесятые годы. Толкую следующим образом. Слева – холм Забайковья, Монтажника. Снято из места, как если спуститься к прудам от остановки «Кировоградская» и смотреть на восток.

Мне больше по душе пруды в их относительно диком современном виде. Довольно уже человек веками нарушал естественный ход реки Совки, загораживая ее плотинами, устраивая пруды, мельницы, пожирая склоны кирпичными заводами, вырубая рощи и застраивая горы. Один из кирпичных заводов стоял в 19 веке по нынешней улице Кировоградской между пересечениями ее улицей Монтажников и Профинтерна[6].

[6]Улочка в частном секторе известна с 19 века, прежнее название –

Вода, прежде свободно проходящая по руслу, еще стараниями монастырских крестьян стала накапливаться в удольях, поднимая уровень грунтовых вод, заболачивая окрестности. Облик этих земель в прошлом, до влияния человека на Совку с притоками, был совершенно другим. Совку постигла та же участь, что Сырец.

И о вкусе воды в Совке, в русле вдоль гати Нижнего каскада, выше впадения в него Вонючки. Даже когда от воды не пахнет химией и на вкус она будто бы обыкновенная, уже через пять минут ощущаешь жжение сначала на кончике языка, потом оно распространяется по всей его ширине и держится несколько часов, а нёбо словно теряет чувствительность. Пить – не советую!

Романовская.

Глава 7

Со́вки и Родниковая

Надземный, с лифтами переход через жестокий перекресток Краснозвездного, Кайсарова, Кировоградской. Место слияния множества улиц и улочек. Под ним Совка спрятана в коллектор и выходит оттуда[1], чтобы питать Нижний каскад. Холмы смыкаются. Отсюда на восток – долина Совки, на запад – ее продолжение, снова вдоль Кировоградской. К северо-западу линейкой на районы Проневщину и Соломенку пошел Краснозвездный. И на юг, отклоняясь потом к западу – улица Кайсарова.

Там и течет речка Родниковая, приток Совки. Вероятно – о чем я поведаю позже – местное название Родниковой в 19 веке было Солоный Ставок.

Улица Кайсарова своим оврагом разделяет холмы Ширмы и поселка Совки, при котором был совхоз.

Некий неведомый мне источник говорит, что до 1612 года имение Сувки или Сувка принадлежало доминиканскому монастырю, потом его купил шляхтич Ярош Покалович, а 1618-м Киево-Печерская лавра.

В «Сказаниях о населенных местностях Киевской губернии», за 1864 год, Леонтий Похилевич пишет[4]:

[1] Выход из коллектора: 50°24′29.87″N (50.408296), 30°29′37.88″E (30.493856).

Совки деревня близ Киево-Лыбедского кладбища[2]. Жителей обоего пола 161. Она разбросана по живописным оврагам, поросшим густым кустарником. Пруд в деревне и при нем мельница принадлежат с 1850 года митрополитанскому дому[3] взамен пруда, отданного кадетскому корпусу. Здесь же находится свечной восковой завод, устроенный в 1837 году бывшим градским главою Ходуновым, а ныне принадлежащий его зятю купцу Н. Н. Балабухе. Совки принадлежали до 1787 года Печерской Лавре, которой и ныне близ деревни принадлежит хорошая пасека.

Тот же Похилевич, но в позднейшей, 1887 года книге «Уезды Киевский и Радомысльский»[5] сообщает:

Совки, близ Киево Лыбедского кладбища, на ручье того же названия. Жителей обоих полов 220; рев. 150; над. 676 десятин; вык. 501 р. 71 к. Кроме того крестьяне: Арендаренко, Когденко и Байдаченко выкупили наделы 37 дес. в собственность. [...]

Есть небольшой кирпичный завод, принадлежащий мещанину Чернову и оцениваемый в 300 р. В конце XVIII в. найден в урочище Трояновщине 13 пуд. меди в 32 кусках, по составу коей и по местности специалисты заключили, что там где медь отыскали, в старину был колокольный завод[4].

Петр I жалованной грамотой в Киево-Печерскую Лавру на приписные монастыри да имения, 1720 года[2],

[2]Байковое.

[3]Киево-Софиевский митрополианский дом. И пахотной земли 280 десятин при Совках.

[4]М. О. Рыбаков в очерке «От Соломенки до Тетерева» без ссылки на источник сообщает, что в 1799 году дворянин П. Козаковский «пребывая постоянно в хуторе при селе Совки» нашел в урочище Проневщина 32 куска меди общим весом в 13 пудов. Возможно, у Похилевича ошибка и речь идет о Проневщине.

упоминает, по одному из вариантов, «Сувку с мельницами». Деревня Совки, согласно ревизским сказкам 1787 года, относилась к ведомству Экономии Лаврской, обитало в ней 86 мужчин и 96 женщин.

В 11 томе «Записок Русского Археологического Общества» (1899), первом и втором выпусках, на странице 268, с курганными захоронениями усадьбы Марр, сравнивается:

> Курган с вещами того же характера найден близ Киева в д. Совки, но в нем наблюдалось трупосожжение.

Где находился этот курган, я не знаю, однако прямо на углу Краснозвездного и Кайсарова заметен четкий поросший травой вал, образующий уступ склона Ширмы. Что это и сколь древнее, я не знаю.

О давних временах Совок может рассказать еще польская книга этнографа, историка Эдварда Руликовского «Описание уезда Васильковского» (1853), где напечатана копия 1568 года, выданная из канцелярии коронной, жалованной грамоты князя Киевского, Александра (Олелька) Владимировича (он доводился сыном Владимиру Ольгердовичу, умер в 1455 году) князьям Половцам Рожиновским.

В документе этом князю Михаилу Половцу жалуется, кроме прочего, «двор наш Володымерка обапул Совки ржечки, зе вшитким цо до тего належи».

Совка течет от Верхнего каскада прудов между двумя холмами, занимаемыми поселком Совки. А со стороны улицы Кайсарова к ней присоединяется речка Родниковая. Это я ее так назвал. Надо же как-то про нее писать. Прежде, нарицанием безымянных урочищ занимались землемеры, иногда переходя грань допустимого в угоду своей шутке либо злокозненности – так рождались названия смешные и обидные. Я же вывел речку от местного названия «Родники», связанного с известными по всей округе студеными ключами в верховьях течения.

Речка Родниковая составляется из множества родников со склонов Ширмы, и ручья с горы Совок – его открытое, замусоренное русло видно вдоль Кайсарова до пересечения с улицей Ясной. Нечетная сторона Кайсарова – это Совки, она обжита. Четная сторона, примыкающая к Ширме, восточная – там дикий склон с оврагом. Вдоль него и пойдем.

Перед валом, на кручу Ширмы, к улице Мыстэцкой лезет лестница, в 2015 году отремонтированная. Эта же круча продолжается за валом, там и поверхностный ручеек, уходящий в водосборный колодец. Становится очевидным, что часть Родниковой спущена под землю. Все эти ручьи перехватываются колодцами и желобами и отправляются в коллектор.

Я на память знаю каждый метр левого, заросшего деревьями глинистого склона, потому что облазил его вдоль и поперек в поисках пещер. Итоги поисков и весь путь к ним от устья Совки показан мною в фильме «По речке Совке», снятом в 2014-м. Разбираясь в предмете хуже, чем сейчас, я полагал, что исток именно Совки – на Кайсарова.

Хорошо помню день, когда отправился на съемку – солнечный, в конце лета. Почти накануне я купил себе на петровской барахолке за 40 гривен механические часы «Свет». Выпускались на ЭЧЛ (Электрические часы Ленинграда). На основе их механизма потом собирали знаменитые «Ракеты». В 1951 году «Свет» производился

в двух вариантах. Как у меня, и для слепых – с откидной крышечкой, под которой надлежало щупать стрелки.

Тем летом я увлекся часовым делом. Разжился десятком советских часов, но вовремя затормозил, ибо сам чинить не мог из-за отсутствия инструментов и навыков, а обращение в часовую мастерскую было слишком накладным, а зачастую бесполезным.

На той же барахолке, старьевщик убеждал меня купить за сто гривен набор ржавеньких часовых инструментов. Рядом сразу возникла и некая девушка, назвавшаяся часовым мастером, стала проявлять к набору любопытство, рассматривала, перебирала инструменты по одному, всё находилась на грани приобретения, и никак не переходила ее, только головой качала – да, такой же новый стоит в пять раз больше! И старьевщик говорил весомо, что набор – редкость. Больше его нигде не купишь. Причем инструмент рабочий, проверенный. «Вот только это вам не нужно и это» – продавец быстро вынул из коробочки и спрятал мелкую отверточку и натфилек, «А так за сто гривен отдаю».

Я пояснил, что для кого-то, умелого и толкового, этот набор будет как находка, я же не оценю по достоинству и не использую по назначению. И хотел еще порыться в битых часах, но старьевщик обиделся и сказал идти отсюда. Слишком долго смотрю и ничего не покупаю.

А со «Светом» мне повезло – я нашел его в груде перегретых солнцем, поцарапанных, но тикающих часов. Эти были в хорошем состоянии, сразу как-то приглянулись. Купил. Ремешок поменял, стал носить, поныне с ними хожу. Идут – точно. Правда, на краеведческие вылазки цепляю теперь дешевые китайские электрошки, которые отстают и плохо настраиваются. «Свет» берегу́. А то попёрся снимать в них краеведческое кино!

Идем вдоль склона. За валом, в коллектор прячется ручеек. По его ходу встречаются маленькие озерца, скорее даже лужи, с прозрачной чистой водой. Дальше он держится у подножия кручи, где сохраняется овражек русла Родниковой. Эта ложбина замусорена, как и склон, по низу коего проложена тропа. Мусор несут снизу, от трассы, и ссыпают сверху, с Ширмы. Там, где от

верховья горки стекает родник (вероятно, водоносный горизонт в том месте поднят из-за глинистости горы, поэтому вода нашла выход не внизу, как обычно, а почти у кромки обрыва), вся его вымоина засыпана хламом. Подобным образом люди обошлись с другими приярками. Поскольку основная часть воды спущена в коллектор, а жалкая течет оврагом, грунтовых вод у дороги хватает лишь на питание травы. И высаженные у обочины десятки молодых деревьев стоят засохшими.

Удолье Кайсарова от перекрестка с Краснозвездным по пещеру, о коей расскажу далее, еще в первой половине 20 века было заболочено.

Скрытый зеленью склон местами разрыт. Темнеет то большая полость под корневищем дерева, то вырубленная лопатой ниша. На одном участке я приметил будто следы обвалившихся подземных ходов, но как проверишь? Запомнилась еще глубокая яма, плотно заросшая зеленым мхом. Давние, со смазанными от дождей и оползней очертаниями дорожки наискось сбрасывают высоту. Рядом – рукотворные уступы, тоже одичавшие. Иные уступы образуются сами, почва постоянно проседает ровными слоями, обнажая деление на темную землю и светлый суглинок, пронизанные сетью корешков. Гору то и дело прорезают сходящие слева теснины. Первый широкий овраг появляется в месте севернее автозаправочной станции, а немного южнее ее, в низине образовалось болотце, гора же круто набирает высоту, и почти на самом верху ее есть пещера[5].

Сверху, от задних заборов усадеб по улице Холмогорской, к пещере прокопаны ступени. Вход узкий, с площадки, как в Змиевой пещере на Смородинском спуске. Рядом с норой – две скамеечки деревянные. Я исследовал пещеру дважды, ни разу не всунувшись туда целиком – боялся, что залезу, но потом внутри не развернусь. Видимая глубина ее такова, что там, с трудом стоя на четвереньках, поместится взрослый человек. Может, раньше пещера была длиннее, и но ход завалился. В дальнем углу неясно видны странные инструменты.

Пещеру не заметишь снизу, если идешь под горой.

[5]Широта: 50°24′15.11″N (50.404196), 30°29′26.38″E (30.490661)

Оседающий склон под пещерой. Вид снизу вверх.

Рядом с пещерой. Вид сверху вниз.

Вид на вход со стороны.

Вид на вход прямо.

Не знаю, сколь эта пещера древняя и зачем выкопана, однако невольно вспоминается упоминание о пещере в Демиевском яру, используемой подпольщиками. В 2016 году вход в пещеру на Кайсарова обвалился, и туда нельзя уже даже проползти.

Севернее пещеры, в склон уходит овраг. Там же пологий подъем на гору. После отрога с пещерой, южнее, местность становится совсем сказочной – один овраг углубляется на восток, а другой, к югу, отрезает часть горы от материка, создавая узкий и правильных очертаний, будто бы вытянутый, палец.

По восточную его сторону – зеленое ущелье с частными усадьбами на другом берегу. По западную – улица Кайсарова, и несколько обустроенных, очень студёных родников у подножия холма. Прежде обитатели Ширмы ходили сюда напрямик, через овраг, пока жители близлежащих улиц не перекрыли проход. Теперь воду из родников набирают водители, подруливая со стороны шумной трассы. А сами щедрые ключи текут дальше ручьями в желоб, чтобы сгинуть под землей.

Вид с холма в сторону оврага.

В сторону Кайсарова.

Вершина этого длинного мыса голая, с площадкой, огороженной бревенчатым плетнем. На одном из старых деревьев прибита табличка «Частная собственность». Площадка соседствует со стальным забором усадьбы. Этот забор тянется дальше и перегораживает восточный овраг.

Когда залезешь наверх отрога, то сначала идешь словно по его хребту, а потом уже он расширяется, образуя площадку. Подобные места обычно встречаются на горах, сохраняющий следы древней фортификации, например на Детинке.

Склон направленный к родникам местами обвален. За ключами, чуть севернее – вязкое, мокрое, глинистое место, переходящее в наклонную полянку с водоотводными желобами.

Далее начинается покатый, крутой бок горы с замусоренной по колено рощей, частью березовой. Эта роща давняя, ей по меньшей мере век. Пределы ея – вдоль Кайсарова до пересечения с Сумской улицей. За обочиной, под деревьями залегает овраг самого истока Род-

никовой. Растет в нем дивная короткая трава, покрытая росой. Ключи струйками вымывают из-под березовых корневищ белые полоски.

Даже автомобильный шум и россыпи хлама не перебивают особое настроение тихого созидания. Подобное ощущается в окрестностях еще одного заповедного ручья, в ботаническом саду на Зверинце. Ты свидетель, как на глазах у тебя слаженными действиями силы природы рождается речка.

На перекрестке с улицей Сумской мы остановимся. К югу она идет до Казацкой, а на север – по району поселка или района Совки. Они мало чем отличаются от Ширмы. Узкие, не приспособленные для машин улочки частного сектора, с раздолбанными мостовыми. Совхоз распался в девяностых, земли его сельскохозяйственных угодий проданы – а ведь в советские время сюда приводили иностранные делегации, хвастались урожаями!

Совки обеспечиваются водопроводной насосной станцией третьего подъема[6] «Крутогорная», что между одноименной улицей и Кировоградской. По выложенной булыжником Крутогорной улице[7] можно подняться до поселковой площади. Там находится здание построенной в 1936-м школы №121, с отделением почты на углу, а напротив отгораживается тополями скверик с памятником жителям Совок, погибшим в Великой Отечественной войне. Тишину нарушает постоянное строительство теремов, да пролетающие прямо над головой, на Жуляны, самолеты.

Церкви в Совках долгое время не было, люди ходили в жулянский Дмитриевский храм 1862 года постройки. Однако позже и до конца 1960-х, пока не сожгли, в самих Совках стояла деревянная Покровская церковь (синодальной ориентации), отмеченная на немецком плане 1943 года. Ныне рядом со сквером построили новую.

---

[6] На таких станциях вода (уже очищенная, обычно на станции второго подъема, а первый подъем это непосредственно водозабор) сначала закачивается в резервуары, и затем эта накопленная вода подается в водопроводную сеть.

[7] Рельеф местности изменился во второй половине 20 века, прежде улица была обычной грунтовкой, овражком врезавшейся в покатый склон, исквадраченный участками огородов.

Совки.

Угол школы.

Памятник в сквере.

1951. Работницы совхоза Мазлева и Алексеенко пикируют рассаду капусты в парники. На заднем плане возможно Забайковье, Монтажник – а значит, снято с Ширмы.

На стыке 19-20 веков, за деревней Совки числился государственный хутор Кучмин яр. Урочище Кучмин яр от Совок лежит не столь уж далеко на север, за Александровской слободкой. Тамошние крестьяне обрабатывали 39 десятин земли и пользовались общим с Совками фондом запасного зерна.

На хуторе использовали распространенную тогда трехпольную систему земледелия. Ежегодно землю разбивали на три части, две из которых засевали (обычно одну озимыми[8], другую яровыми[9] культурами), а третью держали «под паром» – унавоженной, рыхлой и очищенной от сорняков, после выпаса на них скота. На следующий год под пар пускали иной участок из трех. «Паром» называли поле, которому давали отдохнуть от посевов, восстановиться.

Трехполье применялось и на тогдашних угодьях самой деревни Совки. По данным 1900 года, в ней было

[8]Рожь, пшеница.

[9]Гречка, горох, овес, просо, ячмень.

132 двора с 883 жителями, а основным занятием – хлебопашество. Припомним 220 жителей за 1887 год, по Похилевичу, и 160 жителей в ревизии 1782 года.

На то же начало 20 века, при деревне числилось 767 десятин крестьянской земли, работала одна школа и три кирпичных завода (Харитона Чиркова, Федора Скворцова, Димитрия Сигнаевского) с 16 рабочими в каждом, пришедшими из Черниговской губернии, а также кожевенный завод Александра Ерохина, на 35 большей частью неместных работников. Крестьяне деревни объединились в общество, храня на черный день «общак» 546 рублей, поделенный между сберкассой и Государственным банком.

Заглянуть чуть дальше в прошлое деревни Совки и узнать про нее и окрестности уйму любопытного поможет рукописная книга француза де ла Флиза «Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа» 1854 года, где помимо описания Совок есть даже картинка:

Описание из книги:

Деревня Совки.

Число крестьян. Мужеского пола 89, а женского 105 душ. Отставных солдат 3.

Место положение. Деревня лежит в 5 верстах от г. Киева на юг, расположена частью в самом овраге, а частью на взгорью, окруженная горами и кустарниками. Значительных гор четыре: название коих, 1-а Маричинка, 2-ая Курган, 3-ая Вотхый Лес, 4-ая Лишкова. Все вышиною от 5 до 6 сажений[10].

Воды. Есть две маленькие речки. 1-ая Солоный ставок, она течет с юга на север. 2-ая Руда Брид течет от севера на восток, обе впадают в р. Днепр. На 1-ой есть плотина с мельницею.

Озера. Одно маленькое озеро которое летом высыхает.

Болота. Находится два болото оба длиною около версты.

Степь. Нет.

Леса. Находятся кустарники кругом деревни в количестве около 10 верст, (неразборчиво) шириною до 2 и 3 верст, состоящие из дубовых порослей, березы, лещины, грабины, лозы и верб.

Почва земли. Серая, глинистая, а местами песчаная.

Почва леса. Глинистая и песчаная.

Подпочва земли и леса. Глинистая и песчаная.

Произведения земли. Пшеница не растет, крестьяне выращивают довольно ржи, овса и ячменя меньше.

Огородныя овощи. Крестьяне засевают огороды, по большей части картофелем, капустою, свеклою, фасолею, огурцами, коноплею, луком, маком, и отчасти кукурузою и тыквою.

[10]Сажень – около двух метров.

Домашние животные. У жителей считается скота: волов 40, коров 10, лошадей 6, овец 20, свиней 30. Из домашних птиц разводятся крестьянами не много гусей, уток и довольно курей.

Дикие животные. В лесах водится волков и мало зайцев по причине что Киевские жители часто охотятся.

Рыбы раки и пьявки. Рыб и раков нет и мало пьявок.

Жилища. Всех их считается 20. Из них до 10 старых тесны но чисты и опрятны.

Одежда и обувь. очень достаточны. Крестьяне и крестьянки лучше одеты нежели в других деревнях, по причине близости Киева. Все носят сапоги.

Корм. Достаточный.

Качество вод и питья. Вода хорошая. Водки крестьяне умеренно употребляют и мало пьяниц.

Упомянутые названия гор невозможно сопоставить с современными, хотя эти холмы несомненно уцелели поныне. Маричинка дает нам основание понять, что речка «Маричанка» из земельных документов времен Княжества Литовского протекала где-то возле Совок. А поскольку название Совки закреплено за речкой, что берет начало около Жулян (Желян), у аэродрома, то Маричанкой может быть либо ручей, питающий Верхний каскад Совских прудов, либо ручей, протекающий вдоль улицы Кайсарова.

Но де ла Флиз говорит и о здешних речках, а именно:

1-ая Солоный ставок, она течет с юга на север. 2-ая Руда Брид течет от севера на восток, обе впадают в р. Днепр. На 1-ой есть плотина с мельницею.

Здесь мы сталкиваемся с местными названиями. Попробуем выяснить, что скрывается за ними. Сразу отмечу, что согласно де ла Флизу, обе речки впадают в

Днепр, чего не может быть. Они, как бы ни именовались ныне, должны сначала вливаться в Лыбедь.

Плотины и мельницы известны были на речке Совке, в промежутке от деревни Совки и далее по Нижним прудам. Это не значит, что на других притоках не было прудов и мельниц. Из ручьев водной системы Совки с севера на юг протекает только Родниковая, вдоль Кайсарова.

А с севера на восток, строго говоря, не протекает ни один из притоков, разве что ручей через Верхний каскад идет сначала с севера на юг, и на уровне Совок, сливаясь с истоком речки Совки (текущей от Жулян), поворачивает на восток вдоль Кировоградской.

Поэтому вероятно, что де ла Флиз не совсем точен, и сопоставить Рудой Брид и Солоный Ставок с современными водоемами в большей мере, чем сказал ранее, я не берусь.

Глава 8

У истоков Совки

Но вернемся к перекрестку Краснозвездного и Кировоградской. Мне не нравится это место, но отсюда нам двигаться дальше, вдоль русла Совки и улицы Кировоградской. Вот так пошел в гору проспект, а нам свернуть левее, однако не совсем к Кайсарова, а умеренно, на запад, сквозь долину.

Слева будет холм Совок, справа – тоже часть Совок, там, где улицы Наклонная, Добрососедская, Рыбная. Частный сектор. Удолье с горы на другую гору пересекает Крутогорная, а по самой долине идет сильно похудевшая Кировоградская.

Еще в 1940-х годах в этой ложбине было два больших пруда, вместе длиной с половину Нижнего каскада. Кировоградская находится вдоль них к северу. Теперь от нижнего восточного, ближайшего к перекрестку, пруда[1] осталась укрепленная бетонными плитами северная половина, остальное всё засыпано.

С некоторых пор, и по 2016 год картина следующая – остаток пруда спущен, зарос камышами. У подножия южного холма, с основными Совками, в канале от Верхнего каскада прудов протекала речка, несшая воды Проневщины (ею запитан весь Верхний каскад) и Совки. Время от времени речка переливалась через край и затапливала перекресток.

[1] Где-то здесь в 18 веке и стояла одна из водяных мельниц Лавры.

В 2011 году затеяли строительство новой дороги на Жуляны. На отрезке от Верхнего каскада до перекрестка построили новый коллектор, куда направили воду с каскада и из Совки, которую спустили в коллектор по ходу проектируемой дороги, между Совками и Совским кладбищем (место бывшей пасеки), к югу от Колосковой улицы. Прежний канал осушили. Ныне его превратили в свалку.

2011. Проложение участка коллектора возле перекрестка у Краснозвездного.

По грунтовке через долину реки двинемся к Верхнему каскаду. Вдоль пути проложены две чудовищные трубы, имеющие какое-то отношение к теплоцентрали. С обеих сторон раскинулся частный сектор. Параллельно трубам, справа – Кировоградская. Ни деревца вокруг. Негде укрыться от тени. Лишь у пересечения спускающейся, с южного холма Совок, улицы Ясной начинают расти большие ивы. Там же и бетонная ограда водопроводной станции.

Дальше – старый, с незапамятных времен, перекресток перед полем у Верхнего каскада. Сюда стекаются все окрестные улочки. Крутогорная перебегает с одного холма на противоположный. Кировоградская заканчивается, упершись в коротенькую Пржевальского. Впритык к ней и Крутогорной, с севера сходит обсаженная теремами Добрососедская, в верхнем конце своем сужаясь до парковой дорожки. На поле близ пруда иногда пасут стадо коз. Прежде ручьи Проневщина и Совка соединялись тут естественным руслами, а не коллекторами, как теперь. Немалый кусок этой луговины занят вечной стройкой. В углу Крутогорной и Колосковой – цветочный базарчик, ведь улица Колосковая, огибая пруд, ведет на горку к Совскому кладбищу[2].

На стороне базарчика – ветхие сооружения дрессировочной площадки, обжитые любителями шашлыков. Эта площадка находится между концом оврага, где текут остатки Совки, и заболоченной выемкой с трубой ее коллектора, смещенного относительно русла много в сторону. Далее коллектор проходит рядом с грунтовой дорогой, проложенной напрямик на месте вырубленной рощи. Эта грунтовка и есть прообраз новой трассы на Жуляны. Вырубка коснулась и прилегающего склона холма, там, где рядом с кладбищем возникли некие новостройки о нескольких этажах. Вот часть этого склона и срыли, сделав на нем террасу впритык к темному оврагу с Совкой, сплошь заросшего высоченными деревьями. Южный берег его много выше и круче северного.

По середину 2016 года, строительство трассы было заморожено. У обочины грунтовки ссыпают мусор. Бросают его и в колодцы коллектора, и слышно, как под скоплением хлама шумит вода. По бокам дороги валяются бетонные трубы, оставшиеся от проложения коллектора. У северной стороны дороги – небольшой обрывчик. Так строители обрезали гору. Ближе к верху, в ее срезе кое-где видно много битого кирпича, покрытого слоем земли до метра с кепкой в высоту.

[2]Открыто в 1949 году, закрыто в 1988, на кладбище однако разрешено подзахоранивать и действует 2007 года постройки, маленький деревянный храм праведного Лазаря Четвородневного.

2011. Поле перед Верхним каскадом. Вид на северный холм Совок.

Смотрим чуть левее, видим нижнее озеро каскада. На переднем плане, слева направо – улица Колосковая.

2014. Устье коллектора Совки. Позади, за вербами, в овраге – природное ее устье.

2014. Долина Совки, вид на северо-восток, на луг перед озером Верхнего каскада (вдали).

2014. В овраге Совки.

У южного холма района Совок, Совка протекает в глубоком овраге. С заваленного буреломом дна, полного ручейной воды, в небо тянутся рослые деревья. Часть Совки продолжает течь вне коллектора, подпитываясь многочисленными родниками. Эта часть свободно проходит под гатью, вынося бурые железистые частицы.

Когда грунтовка восходит к наивысшей своей точке, налево, на юго-восток, отходит тропа по гати через овраг Совки.

2014. Выход из-под гати.

2014. Над оврагом, восточнее гати, спиной к южному холму Совок.

Из множества таких родников образуется речка. Сколько труда надо природе, чтобы родить ее! За сотню метров отсюда, даже ближе, воду запрудят мусором, еще ниже по течению подпустят химии от автомойки, перечеркнут чистоту крест-накрест гадостью.

Начинается странных очертаний местность, которую я не изучил до конца. Пойдем по тропе сверху гати, чтобы я попытался объяснить, что к чему. Овраг Совки уходит направо, на запад в удолье, мы туда отправимся чуть позже.

Тропа чешет ровнехонько на юго-запад шестьсот с лишком метров, к Жулянам, и проложена она по отрогу, где с одной стороны речка Совка, а с другой – ущелье, и за ним – южный горб Совок. Есть по пути и перекресток, где наверх отходит лестничка в Совки, а вниз – к зеленому пруду на Совке и купели, между которыми еще одна, низенькая проезжая гать.

От самого начала тропы можно повернуть налево и залезть на склон над Совкой, там рощица, похожая на ту, что в Голосеево близко к дому-музею Рыльского. Склон местами почти отвесный, кое-где заметны следы

явно рукотворных подземелий. На дне – выход из трубы, проложенной сквозь гать, и множество родников, сочащихся из-под корневищ.

А ежели проползти через трубу или обойти ее по верху, сойдя вбок, на юг с той грунтовки, что застыла в предвкушении государственного предназначения соединить самую окраину города с Жулянами, мы попадем в топкую ложбину. Между островками текут ручьи, а с краю оборудована укрепленная бревнами купель, родником питаемая. Это приток Совки.

2014. Вид с пригорка над прудом.

Сама же она протекает через пруд[3] напротив купели. Ложбина отделена от пруда гатью с дорогой, тоже грунтовой. Если следовать по ней дальше на юг, мы поднимемся к «высокой» гати и лестнице в Совки, к улице Сумской и ее перекрестку с Сигнальной. Любопытнее полезть на южный берег пруда, над ним и углубится в чащу. С бугра на бугор вьется, перебегает тропка. Растут здесь травы неизведанные, цветы невиданные.

[3] 50°24′17.1″N (50.404749), 30°28′33.34″E (30.475929).

Совка начинается под горой, около Жулян. Поныне я не добрался к ее истоку. Когда в ходе краеведческой вылазки осенью 2015 года мы искали его с Алиной Шиндировской, с невероятным трудом преодолев заросший колючими акациями склон за свалкой, то застряли в сплошном буреломе и пришлось вернуться.

Снова попав на местность в начале зимы 2016-го, я огорчился и понял, что главу придется дописывать.

На участке от Краснозвездного до прудов верхнего каскада всё было перекопано, по виду – прокладывался новый коллектор или переделывали старый.

Цветочный базарчик у перекрестка Крутогорной с Кировоградской исчез, рядом на углу, на участке поймы Совки, вырубили деревья и начали строительство здания.

Грунтовка вдоль поймы Совки, параллельная улице Колосковой, оказалась выложена бетонными плитами. Там же срыли еще часть склона.

Глава 9

Верхний каскад прудов

Вернемся к Верхнему каскаду. Ручей, питающий их, и его окрестности называются Проневщиной. В Проневщину плавно переходит северный холм Совок, хотя прежде, надо полагать, этот холм тоже был Проневщиной.

Уточнить, к чему относилось имя Проневщины в 20 веке, поможет документ «Рішення №2610 Виконавчого комітету Київської міської ради депутатів трудящих 29 грудня 1953». В нем к Проневщине приписаны улицы Азовская, Кишиневская, Можайская, Бородинская, Корсунь-Шевченковская, Ульяны Громовой, Краснозвездная (часть будущего одноименного проспекта) и Тополева.

Это местность от Севастопольской площади вдоль Краснозвездного проспекта, к юго-западу от него, примерно по пятидесятые номера. А также район западнее, его называют Турецким городком или Кадетским гаем, по проходящей там улице с тем же именем. Она путает все карты, ибо историческая Кадетская роща лежала много севернее, от ее земель остался незастроенный участок вдоль одного из истоков Лыбеди – от Караваевых дач на северо-восток, примыкая к улице Уманской. На месте основной части Кадетской рощи теперь Первомайский массив.

Турецкий городок – дома по 10-16 этажей – построили турки на деньги немцев в 1990-е, для прежнего советского «военного контингента» из Восточной Германии.

Нижние пруды основной ветки Верхнего каскада лежат напротив усадеб на Добрососедской, Красном переулке, Красной, Пржевальского. Это череда прудов без какого-либо деления на участки.

По другую сторону нижнего пруда, между ним и кладбищем – заболоченные остатки другой ветки прудов, которые я тщетно пытался обойти, но увяз в грязи и вернулся. По восточному берегу, через грунтовку, в некотором отдалении от воды на пригорке, в коем я подозреваю остаток древнего вала, стоят частные дома с огородами. Склон пригорка чрезвычайно замусорен. А на пруду есть даже поросший ивами островок. Водится множество уток. Люди обычно купаются близ укрепленного плитами устья, рядом со спуском в коллектор. Берега при вёдре заняты сосредоточенными рыбаками.

2010. Нижний пруд Верхнего каскада. Вид на островок.

Проневщина (экск. біологическаго кружка).

Дореволюционный снимок Проневщины.

Между двумя «ветками» прудов есть дорога, улица Кадетский гай, что сначала идет между пустырей, промзоны и прудов, а после выходит к одноименному жилмассиву. Берега обоих веток уже застроены либо застраиваются, кроме самых задворков. Местность к западу основной ветки, на плане Дебоскета подписана «Липовой куст».

Во второй половине 19 века Проневщина была известна киевлянам большей частью как лес за Байковой рощей. Писатель Виктор Иванович Бибиков (1863-1892) в рассказе «Встреча» сообщает о Проневщине немало полезного. Приведу выдержку, имеющие краеведческое значение, ибо далее речь идет о встрече сочинителя с товарищем, ставшим последователем Льва Толстого. Вот Бибиков идет с Нового Строения (левый берег Лыбеди), а предвкушаемый «этот лес» и есть Проневщина.

> И теперь я мечтал о посещении этого леса как о свидании с милым, старым приятелем, в котором уже, наверно, не найдешь никаких оскорбляющих душу неожиданных перемен.
>
> Был жаркий день. Немилосердно палило июльское солнце, и, когда я прошел опушку Байковой рощи и вышел на проезжую дорогу, ведущую среди полей ржи и гречихи прямо в Проневщину, я почувствовал жажду, и мне захотелось пить.
>
> Кругом ни признака жилья. Я вспомнил, что если свернуть направо от дороги и перейти гору, возвышающуюся над кирпичным заводом, что у полотна Курской дороги[1], то попадешь на баштаны русских огородников, где можно напиться воды и купить огурцов.
>
> Так, по крайней мере, было десять лет тому назад. Но огородники народ консервативный, и я был уверен, что даже за эти десять лет они не изменили своим убеждениям и продолжают разводить огурцы, арбузы, дыни, капусту и картофель все на том же месте у подошвы и

[1] Завод на северном берегу Протасова яра.

на склонах плодородной горы, обильно вознаграждающей их похвальное постоянство.

С вершины горы открывается дивный вид на большую половину города, и громадное здание университета с ботаническим садом так и бросается в глаза своим густокрасным цветом среди белых, опрятно-кокетливых домов Нового Строения и Паньковщины.

Байкова роща, через которую шел Бибиков, лежала между Протасовым яром и Байковым кладбищем, над железной дорогой, да в окрестностях нынешней улицы Амосова. Байкова роща доходила по восточный склон Протасова яра, включительно. Бибиков добирался через нее эдак на Забайковье, его часть – район Монтажника, либо к смежной Александровской слободке, где ныне такой же частный сектор.

От рощи давно ничего не осталось – один кусок ее занят севером Байкового кладбища, другой – «клиническим городком»[2], окрестности встрявшего между кладбищем и слободкой Божкова яра покрыли бесконечные гаражные кооперативы.

В 19 веке Верхнего каскада не существовало. Был один пруд почти в самом верховье ручья Проневщины, к югу от Севастопольской площади, да еще один пруд – то ли на «второй ветке», либо тот зеленый на Совке за купальней. У северной части леса, при дороге с Соломенки на Жуляны (прообраз Воздухофлотского проспекта) стояли корчмы Проневщины, именно так обозначенные, например, на карте 1886 года.

Долгое время местность эта пребывала в относительной дикости – однако не исстари. Находка кусков меди в 1799 году, думаю, относится именно к Проневщине, и указывает не на следы предполагаемого колокольного завода, однако на развитие тут металлургии в языческое

[2]Множество медицинских учреждений и фирм: Институт эпидемиологии и инфекционных заболеваний – основанный на деньги Лазаря Бродского еще в 1896 году, «Биофарм», институт сердечно-сосудистой хирургии Амосова, институт фтизиатрии и пульмонологии, больницы и поликлиники, вид из окон которых открывается на ближайшего соседа – Байково кладбище.

время, к которому относились и здешние курганы. Ведь если бы работой по металлу занимались тут в ближайшие к находке века, то про какой лес можно говорить? «Колокольный завод» свёл бы под корень все деревья в округе.

Населенность Проневщины в начале 20 века была скромной. В сборнике «Список населенных мест» за 1900 год, в разделе про Киевский уезд сказано:

> Хутор «Проневщина» при с. Желянах (владельческий). В нем дворов 1, жителей обоего пола 10 человек, из них мужчин 6 и женщин 4 Главное занятие – хлебопашество. В хуторе числится земли 540 десятин, вся она принадлежит Киево-Митрополитанскому дому[3] и находится в аренде у Михаила Лукашевского, хозяйство ведется самим арендатором по трехпольной системе. В хуторе никаких заведений нет.

В 1912 году склоны над долиной Проневщины собрались пустить под дачи, 400 участков, да не срослось. Застройка началась только в пятидесятые, частным сектором и невысокими, трехэтажными домиками, как на улице Петра Радченко, но это уже ближе к Соломенке.

В том же 1912-м в отчете Киевского Общества Охраны Памятников Старины и Искусства за 1912 было записано:

> 19 апреля членами Совета, совместно с о. Иеромонахом Климентом, посещены две группы курганов Проневщинской рощи Митрополичьего дома и, есть полное основание предполагать, – положен конец хищническому разграблению местных могильников.

Могильники значит «курганы». Сведения про них таятся в недоступных простым смертным архивах. Я смог разузнать подробности лишь в девятом томе украинского журнала «Археология», за 1954 год, где помещена

[3] С 1847 года.

статья И. М. Самойловского «Слов'янський могильник на р. Пронівщині під Києвом». На время публикации могильник был уже уничтожен, и память осталась только в дневниках раскопок, в 1913-15 годах проведенных Эртелем – тем самым, что трудился в Зверинецких пещерах.

Записки Эртеля и пересказывает Самойловский, предварив их введением, которое я переложу здесь на русский:

> Могильник находился возле села Совки, в некотором отдалении на запад от древнего пути на Васильков, на хуторе Проневщина, в верховьях реки Проневщина, притоке Лыбеди.
>
> Могильник был расположен на высокой местности, в лесу и состоял из двух групп. После вырубки леса на Проневщине земляные насыпи курганов были разорены. До уничтожения могильника, во время, когда он сохранялся под защитой леса, было раскопано несколько курганов. В 1913 году А. Эртель раскопал пять курганов, а в 1915 – еще четыре. Сохранился дневник А. Эртеля про раскопки 1915 года.
>
> По четырем раскопанным в 1915 году курганах, про которые есть сведения, мы можем сложить впечатление про весь этот могильник, поскольку, по словам А. Эртеля, пять курганов, раскопанных в 1913 году, тождественны им.

Где же находились эти курганы? На хуторе Проневщина. А хутор где? На Проневщине. Но где именно? Вот тут остается разводить руками. Может там, где были «трактиры Проневщины». А они где именно? Шут знает. В том же «Списке населенных мест» 1900 года положение хутора описано так:

> расстояние от уездного города до хутора – 5 верст, от ближайших: железнодорожной станции – 4 версты [...]. Железнодорожная станция носит название «Киев».

Значит, от центрального вокзала до хутора было 4 версты. Примерно! Там в справочнике все расстояния

примерно даны. Верста это 1,07 км. 4*1,07=4,28 км. На таком расстоянии от вокзала надо искать хутор. И плюсминус сотни метров. Так вот эти 4,28 километра приходятся точнехонько на середину южного холма нынешних Совок. А хутор не мог находиться посреди села. Поэтому от числа из справочника нам пользы, как с козла молока. На картах же я не встречал хутора Проневщины.

Однако примем во внимание две вещи. Как мы помним, в самих Совках тоже был раскопан некий курган, культурой вроде бы близкий к той языческой, что обнаружена в курганах над Иорданской церковью в усадьбе Марр, на Кирилловских высотах. Совский курган (с трупосожжением) – не часть ли большого курганного кладбища, другой частью коего были «курганы Эртеля»? Далее, на пригорке между истоком Совки и второй веткой Верхнего каскада ныне что? Кладбище. Может, курганы находились там?

Самойловский пишет, что Эртель в 1913 году раскопал еще три отдельных кургана возле Проневского могильника, и один возле Жулян, что также поблизости. Выходит, издавна это были похоронные земли.

А если корень названия Жулян (в земельных грамотах «Жиляне»), летописного урочища Желян[4] – «желя» – «поминки»? Может Желяне примерно то же, что «жальник»[5] – кладбище, земля предков? С этим толкованием местность Проневщины, Совок и окрестностей обретает новое значение.

Про курган около Жилян сообщает опись земель Михайловского монастыря за 1578 год, утвержденная королем Стефаном Баторием[1, стр. 430]. Там кроме прочего о границах Борщовской земли сказано:

Почавши (прежде отъятия ксендзов от са-

[4]Закревский сомневался, что Жуляны это летописные Жуляны, не предлагая ничего взамен. Я бы мог предложить Шулявку. «Ш» и «Ж» произносятся почти одинаково. Впрочем, Жуляны и Шулявка не так далеко друг от друга, возможна связь. 5 километров всего.

[5]В старину слово «жалость» имело еще и похоронное значение. «Ехать с жалостью» означало перевозить куда-то тело покойного, «спрятанное» – завернутое ближайшими родственниками в покрывало.

мой Лыбеди, броду Кощеевского[6] дорогою до тесных улиц) от Тесных улиц до груши Володимеровой старою дорогою к лозам Жилянским в лево; от лоз на курган Жилянский;

Тесные улицы есть на плане Дебоскета, с какой-либо современной улицей их нельзя сопоставить, разве что примерно. У нынешней Севастопольской площади сходилось множество дорог. И оттуда путище Тесные улицы шло на запад к Михайловской Борщаговке. «Старая дорога к лозам Жилянским в лево» – это либо Воздухофлотский проспект, либо улица Народного ополчения. Дорога «в лево» от площади, в сторону Жулян, на юг, тоже есть на упомянутом плане, оставляя верховье Проневщины к востоку.

Но вернемся к раскопкам курганов Проневщины. Что же сообщает Эртель в своем дневнике 1915 года? Самойловский пересказывает:

Курган №6. Форма его – правильное полушарие, высота до 1 м, окружность 22 м. В насыпи кургана на глубине 60 см попался черепок с линейным орнаментом. На глубине 90 см замечено пятно могильной ямы, выкопанной в лёссе и ориентированной по линии юго-восток – юго-запад, как и в могилах первых пяти курганов. На глубине 1,4 м в северо-восточном углу ямы найден обломок железного гвоздя, а на глубине 1,4 м стали заметны следы трухлявого дерева. На глубине 1,8 м в грунтовой яме размером 3,5х2,25 было обнаружено погребение.

Скелет, ориентированный головой точно на запад, лежал на толстой дубовой доске от гроба, череп лежал лицом вверх, туловище вытянуто, права рука согнула в локте и лежала на крестце, левая – вытянута. Сохранность скелета довольно хорошая, высота его 1,55 м. Вещей при погребении не было, только с левой стороны скелета заметны следы от материи.

[6] Он же Кощавый брод, Ковщавый, Кощавец в грамотах 17 века.

Курган №7. Высота его около 0,75 м. На глубине 0,7 м найден зуб свиньи. Могильная яма подобна яме кургана №6. На глубине 1,5 м обнаружено дно ямы, выложенной трухлявыми деревянными досками и ориентированной точно по линии восток – запад, размером 2,05х0,42 м.

В этом кургане было три погребения. Про первое погребение в дневнике ничего не сказано. Рядом в первым погребением, за 25 см от него, обнаружено второе погребение. Оно было обложено досками и находилось на 15 см ниже первого. Деревянное могильное сооружение, очевидно, гроб, имело длину 2,15 м, ширину 0,65 м. Скелет ориентирован головой на запад, длина его – 1,65 м. От третьего погребения в кургане найден только очень поврежденный череп, который лежал выше первого погребения на 5,8 см. Возле черепа обнаружено небольшой черный грубый черепок; слева от черепа, на расстоянии около 50 см, найдено часть оленьего рога.

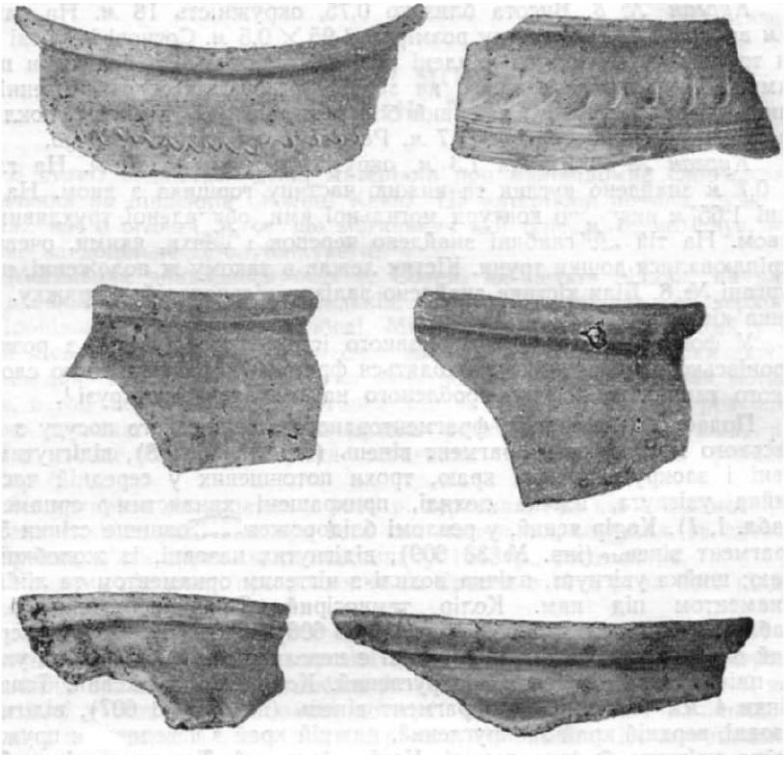
Курган №8. Высота примерно 0,75, окружность 18 м. На глубине 1 м обнаружено могильную яму размером 1,95х0,5 м. Сосновые и дубовые доски гроба были частью скреплены железными гвоздями с большими шляпками. Скелет лежит головой на запад, в вытянутом положении, на спине, голова повернута на левую сторону, руки, согнутые в локтях, положены на таз (крестец). Длина скелета 1,7 м. Предметов при погребении не было.

Курган №9. Высота 1,3 м, окружность около 20 м. На глубине 0,7 м найден уголек и нижнюю часть горшка с дном. На глубине 1,65 м обнаружены очертания могильной ямы, обложенной трухлявым деревом. На той же глубине найдены черепок и гвозди, которые, очевидно, скрепливались доски гроба. Скелет лежал в том же положении, что в кургане №8. Возле

скелета найдено железную кольцеобразную пряжку. Длина скелета 1,67 м.

В фондах Киевского государственного исторического музея с раскопок Проневщины находятся фрагменты типичной славянского глиняной посуды, сделанной на гончарном круге.

Далее Самойловский описывает словами часть посуды и датирует ее 10-11 веками, соотнося с этим временем и могильник.



Посуда из Проневского могильника.

Курганы Проневщины, Жулян, Борщаговок потеряны и забыты. Всё, что можно было застроить, покрыли жилыми домами, промзоной и гаражами. Что успели –

раскопали археологи, потревожив давний, тысячелетний прах.

Киев, 2016-2017

Литература

[1] *Киевские епархиальные ведомости. 1861. Прибавления*. 1861.

[2] *Описание Киевопечерской Лавры*. Болховитинов Евгений. 1847.

[3] *Описание Киево-Софиевского собора и Киевской Епархии*. Болховитинов Евгений. Киев, 1825.

[4] *Сказания о населенных местностях Киевской губернии*. Л. Похилевич. Киев, 1864.

[5] *Уезды Киевский и Радомысльский*. Леонтий Похилевич. Киев, 1887.

Спасибо, что дочитали до этой страницы